

Рождение Богов II

иллюстрированный роман

Алекс Кимен

16+

Алекс Кимен

**Рождение Богов. Книга II.
Иллюстрированный роман**

«Автор»

2021

Кимен А.

Рождение Богов. Книга II. Иллюстрированный роман /
А. Кимен — «Автор», 2021

Продолжение приключений Алексея в Древней Греции. Сумеет ли герой оправиться от постигшей его катастрофы? Какие грозные новинки принесет он на поля сражений? Встретит ли он Пандору вновь? Этот второй роман из цикла "Рождение Богов".

© Кимен А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть I	5
Глава 2	10
1	10
2	11
Глава 3	16
1	16
2	18
3	21
Глава 4	22
1	22
2	23
Глава 5	27
1	27
2	29
Глава 6	33
Глава 7	37
1	37
2	39
Глава 9	46
Глава 10	51
1	51
2	55
Глава 11	58
Глава 12	63
1	63
2	66
Глава 13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Кимен

Рождение Богов. Книга II.

Иллюстрированный роман

Часть I

Глава 1

Что такое свобода? Отсутствие границ и пределов? Или лишь возможность выбирать, куда поставить ногу, чтобы сделать следующий шаг по бесконечному пути в вечность? Что, если по-настоящему свободен лишь тот, кому уже нечего терять? Какая соблазнительная мысль! Избавься от родных и друзей, сковывающих тебя своей назойливой заботой и любовью. Избавься от бесполезных вещей, захламляющих твой дом. Избавься от самого дома, ведь наш дом – весь мир! Возможно, только тогда ты сможешь обрести настоящую свободу... А может, следует избавиться и от всего мира? Чтобы ничто не мучило твою совесть, чтобы ничто не заставляло испытывать жгучий стыд бессилия?

Лишь обретя полную, настоящую, абсолютную свободу, ты неизбежно постигаешь пугающую истину: свобода – это ответственность. И чем больше твоя свобода, тем больше ответственность. Абсолютная свобода – самое страшное испытание, которое может выпасть на твою долю. Потому что абсолютная свобода – это абсолютная ответственность за все и, в первую очередь, за мир, который ты потерял. И делая свободный выбор, ты каждый раз выбираешь весь мир и несешь за него ответственность. Ты предаешь миллионы, миллиарды несбывшихся миров и выбираешь лишь один. Сделать этот выбор безумно тяжело. Тысячи лет люди боялись его. Упираясь руками и ногами, сопротивляясь изо всех сил, закрывая глаза и затыкая уши – они отказывались выбирать.

Свободный выбор всегда ошибочен. Вопрос лишь в цене, которую мы готовы заплатить за свои ошибки и за саму возможность ошибаться.

Выбор этой дороги был очевидной ошибкой. И результат этой ошибки был вполне закономерен...

Два молодых пельтаста неловко топтались на краю опушки и неуверенно переглядывались. Пленник со связанными руками, понурившись, стоял рядом. Он с трудом держался на ногах от усталости, но схватившие его воины не обращали на это внимания. Их взгляды были прикованы к коренастому мужчине, одиноко стоящему в тени деревьев. Тот явно был поглощен раздумьями. Он то теребил бороду, то поглаживал короткие волосы, уже тронутые сединой. Его маленькие, глубоко посаженные глаза невидяще смотрели в пустоту, а губы слегка шевелились, словно мужчина вел неторопливую, но важную беседу.

– Ну что, подойдем к нему?

– Не знаю... Он с утра так стоит. Не хочу его отвлекать. Может, сразу к стратегу?

– Из-за такой ерунды – к стратегу? Может, сразу к архонту в Афины поплывем? В конце концов, решать, что делать с пленным, должен лохагос.

Пельтасты дружно вздохнули и, подталкивая пленника, подошли к командиру.

– Господин лохагос, позволь тебя побеспокоить!

Тот вздрогнул, что-то коротко пробормотал себе под нос и повернулся к солдатам. Окинул быстрым любопытным взглядом пленника.

– Вот. Задержали какого-то подозрительного, – сказал первый солдат.

– Попытался убежать, но мы догнали, – вставил второй.

– А еще он ранен. Наверное, напал на кого-нибудь.

Лохагос кивнул солдатам, чуть помедлил, продолжая рассматривать арестованного, и наконец приказал:

– Развяжите ему руки! – И предупредительно добавил: – Надеюсь, ты будешь благоразумен?

– Буду, – вздохнул пленник и протянул связанные руки солдатам.

Один вытащил нож, но товарищ остановил его:

– Постой! Зачем портить хорошую веревку? Чем будешь связывать в следующий раз?

Он подцепил грязными обломанными ногтями узел на грубой пеньковой веревке и начал разматывать руки пленника.

Лохагос испытующе посмотрел задержанному в глаза.

– Ну поведай нам, юноша, кто ты и откуда?

Тот закашлялся, словно пытаясь выиграть время. Затем начал демонстративно растирать покрасневшие запястья. Лохагос терпеливо ждал с легкой улыбкой.

Наконец пленник собрался с мыслями:

– Меня зовут Алексиус, я жил рядом с Дионом, в Македонии.

– И что ты делаешь здесь, у Потидеи?

– В Македонии началась междоусобица. Мой дом сожгли, поэтому я бежал.

– Куда же ты направляешься?

– В Олинф. Там нет войны. Сейчас все идут в Олинф.

– Да... А еще Олинф вышел из Делосской Симмахии.

Повисло молчание. Пельтасты многозначительно переглянулись.

– Я... Я не знал об этом, – пробормотал пленник, но его слова прозвучали как-то неубедительно.

– Ты хорошо говоришь на аттическом наречии, – неожиданно сказал лохагос, – Но по твоему говору я слышу, что этот язык тебе не родной.

Алексиус кивнул.

– Так откуда ты родом?

– Я с севера.

– Из Скифии?

– Нет. Дальше. Гораздо дальше. Мой народ назывался... – Пленник помедлил с ответом, словно подбирая слова. – Мой народ назывался русами. Ты вряд ли слышал о нем.

– Как же ты оказался в наших краях?

– Я... Мне хотелось странствовать по свету.

– Странствовать по свету? – переспросил лохагос. – Зачем?

– Хотел посмотреть мир, узнать что-то новое.

– Посмотреть мир? Зачем же на него смотреть? Море, небо, скалы, даже дома везде одинаковы. Да и чему они могут научить? Научить могут только люди, а чтобы говорить с ними, никуда не надо ездить.

– Но люди-то разные. Интересно ведь, как живут в других странах, – робко возразил юноша.

– Прежде чем говорить с другими людьми, нужно научиться говорить с собой. Понять, кто-ты есть, узнать себя, а для этого вовсе не обязательно становиться бродягой... Ну да ладно. Мы, кажется, немного отвлеклись. Скажи-ка мне лучше, являешься ли ты другом Афин?

Пленник неопределенно пожал плечами:

– Друг – понятие относительное...

– Относительное? Хм... И к какой же разновидности друзей относишься ты?

– Может, к беглым рабам? – донесся громкий насмешливый голос.

Все повернули головы. Поодаль стоял высокий молодой человек с длинными вьющимися волосами. Похоже, он незаметно подошел к собеседникам и наконец решил вступить в разговор.

– Алкивиад, мальчик мой, что ты хочешь сказать? – спросил лохагос.

Молодой человек подошел ближе, пристально вглядываясь в лицо пленника.

– Этот юноша... Я знаю его! Алексиус, так ведь? Последний раз, когда я видел его, он был рабом в доме почтенного Тофона в Афинах.

– Хайре, господин Алкивиад, – неловко поклонился пленник. – Рад тебя видеть в добром здравии, – добавил он после некоторого молчания.

– Замечательно! – рассмеялся лохагос. – Я чувствую, мы услышим прелюбопытную историю.

Леше казалось, что еще немного – и его голова взорвется от тяжелой пульсирующей боли. В висках шумело, а перед глазами плавали разноцветные круги. С каждой минутой ему требовалось прикладывать все больше усилий, чтобы просто связывать слова в предложения. Но этого мало. Требовалось придавать словам какой-то смысл, что-то придумывать, как-то оправдываться. Но сил на это уже не хватало.

– Так что же ты делал в Дионе? – продолжал любопытствовать Алкивиад.

Обманывать напрямую опасно, нужно срочно сочинять очередную смесь правды и лжи.

– Я сопровождал госпожу Пандору, дочь моего хозяина. Мы бежали из Диона, где на нас напали воины Филиппа Македонского...

– Госпожу Пандору?! – с изумлением воскликнул Алкивиад. – Она здесь? С тобой?

– Нет. Так получилось, что мы разделились... У Термы. Надеюсь, с ней все хорошо...

– У Термы? – обеспокоенно переспросил Алкивиад и бросил встревоженный взгляд на лохагоса. – Когда?

– Три дня назад.

– Три дня назад там еще были наши, – еле слышно сказал лохагос.

– Так зачем же ты шел в Олинф? – продолжал расспрашивать Алкивиад.

– Я... Мы договорились с госпожой Пандорой, что встретимся там, если что-то случится.

Алкивиад недоверчиво поморщился и опять переглянулся с лохагосом.

– Боюсь, вся эта история звучит очень сомнительно.

Лохагос покачал головой:

– Сомнительно... Но, с другой стороны, на войне случается всякое. Ну а ты, Алкивиад, что можешь сказать про нашего гостя?

Алкивиад задумчиво почесал гладко выбритый подбородок.

– Алексиус – очень сообразительный юноша, Сократ. Тебе понравится.

– Сократ? – Леша не смог сдержать изумленного возгласа.

Художник Валерий Шамсутдинов

Лохagos, будто извиняясь, развел руками и сказал после некоторого раздумья:
– Боюсь, Алексис, я должен задержать тебя. Ты раб афинского гражданина...

– Но как же госпожа Пандора? Что если она будет искать меня в Олинфе? Я не могу послушаться ее приказа.

При этих словах Алкивиад скептически хмыкнул. Но Сократ лишь покачал головой.

– Даже если и так... – Он сделал многозначительную паузу. – На войне каждый афинский гражданин приложит все усилия и не пожалеет никаких средств, чтобы одержать победу. Так что на время военных действий и до момента, пока твой хозяин не объявится, ты будешь считаться государственным рабом. Я переговорю со стратегом, но, полагаю, что ты поступишь в распоряжение нашего отряда, под мое начало. Служи усердно и честно, и город не останется в долгу.

– Но госпожа Пандора...

– Если она объявится здесь, ей окажут необходимую помощь.

Алексей осознал, что спорить бесполезно и покорно кивнул:

– Хорошо. Благодарю тебя, господин Сократ.

– Полагаю, не стоит предупреждать, чем грозит попытка бегства или саботажа во время войны?

– Понимаю...

– Отлично. Раз ты все понял, слушай первый приказ. Ступай за этими молодыми людьми. Они отведут тебя в палатку, покажут твое место, накормят и проводят к лекарю, чтобы он осмотрел твою рану. Потом выпишь как следует...

Леша с трудом сдержал улыбку.

– Слушаюсь, господин лохагос.

– Хорошо. Тогда всем отдыхать. А я еще немного посижу тут...

Глава 2

1

Афинский лекарь хорошо знал свое дело. Леша быстро шел на поправку. Рана на плече затянулась и уже почти не беспокоила. Он пытался разузнать о своей бывшей хозяйке, но никто ничего не слышал о ней. Также не было никаких новостей о том, что произошло под Дионом. Леша мучился от неизвестности, не зная, какая судьба постигла Теодора и оставшихся в разоренном поместье слуг.

Жизнь в военном лагере оказалась на удивление спокойной и размеренной. Через несколько дней Леша уже вполне освоился со своим положением. Его обязанности были просты и не очень обременительны: носить воду, собирать хворост, точить и чистить оружие. К тому же Сократ, видя, что Алексей еще не до конца оправился от ран, особо не нагружал его работой. С большим вниманием и интересом он наблюдал, как афинское войско ведет осаду непокорного города. Леша все время пытался чем-нибудь занять ум, чтобы не думать о постигшей его катастрофе и о той, кого он никак не мог забыть.

Потидея располагалась на узком перешейке шириной около шести стадий. С моря город стерег афинский флот. Большая часть кораблей была вытащена на берег, но несколько судов стояли в готовности на якоре. На суше пути из Потидеи преграждали высокие земляные валы. Так что город находился в полной изоляции и, судя по всему, уже давно испытывал нехватку продовольствия. Леша помнил, что больше года назад, в самом начале осады, афиняне попытались с ходу захватить непокорный город, но защитники дали бой и не позволили им одержать легкую победу. Так что афиняне решили взять Потидею измором. С тех пор ни одного серьезного столкновения не было.

Алексей часто забирался на вершину осадного вала и подолгу наблюдал за осажденным городом. Потидею окружали каменные стены – они, конечно, были высоки, но не настолько, чтобы не попытаться взять город штурмом. Леша все никак не мог сообразить, в чем причина такой вялой осады. Может, он что-то не понимает? Очередной раз задавшись этим вопросом, Леша решил за ужином расспросить кого-нибудь из воинов. Во всем этом положении Леше смутно виделась какая-то туманная, но вполне реальная возможность. Ему не хотелось фантазировать и забегать вперед, но нельзя было упустить шанс изменить свой статус в Афинах и вернуться к выполнению своей миссии.

2

Вечером небольшой отряд, которым командовал Сократ, как обычно собрался у костра. Даже появился Алкивиад, где-то пропадавший последние несколько дней. Увидев Алексея, он как-то странно, словно с сомнением посмотрел на него, но ничего не сказал. Леша обратился к нему сам:

– Господин Алкивиад, я никак не могу взять в толк, почему наше войско не пытается взять Потидею приступом?

Элин поморщился и, словно малому ребенку, стал объяснять ему сложности штурма города, окруженного высокой стеной. Выслушав Алкивиادا с должным почтением, Леша кивнул и спросил с наигранной наивностью:

– А если взять сотню лестниц и атаковать ночью сразу со всех сторон?

Воины, прислушивающиеся к беседе, с ухмылкой переглянулись.

Алкивиад раздраженно поправил золотой обруч, придерживающий его длинные, аккуратно уложенные волосы.

– Да. Если бы я был персидским сатрапом, я бы так и приказал своим воинам: идите и умрите на этой проклятой стене, но возьмите город.

– Почему персидским сатрапом?

– Потому что варвары... – Алкивиад сделал многозначительную паузу и посмотрел на Лешу: – варвары не дорожат жизнями воинов. Да, полагаю, описанным тобой способом можно быстрее захватить город. Но какой ценой? И кто будет ее платить? Афинские граждане, а не рабы и не варвары! Легко давать советы, когда не тебе проливать свою кровь.

Юноша раздраженно сплюнул. Леша сконфуженно замолчал. Раздались смешки и одобрительный гомон. Сократ, спокойно выслушавший тираду Алкивиادا, согласно кивнул.

– А что, если пробить отверстие в стене или сломать ворота? – тихо спросил Алексей.

Алкивиад пренебрежительно ухмыльнулся:

– Разрушить стену? Сломать ворота? Как ты собираешься это сделать?

– Есть много способов...

– Много способов? Назови хоть один!

– Таран. Подкоп. Метательная машина.

– Таран? Ты когда-нибудь участвовал в штурме города?

Леша смущенно покачал головой.

Алкивиад презрительно осклабился и продолжил:

– Для тарана нужно вплотную приблизиться к стенам, а защитники города не будут сидеть сложа руки: горящее масло, камни, стрелы, дротики – ты это себе можешь хотя бы представить?

Леша вздохнул, а Алкивиад, казалось, вжился в образ опытного воина и военачальника. Он наслаждался возможностью блеснуть своими познаниями.

– Подкоп? Чтобы противник его не заметил, он должен быть длинной в стадию! В каменистом грунте, к тому же расположенном почти на уровне моря. Я не говорю про то, сколько потребуется времени и труда, но туннель же сразу затопит!

Все вокруг согласно загудели. Алкивиад самодовольно потрянул головой и снисходительно посмотрел на Лешу:

– Теперь понятно?

– А метательные машины?

– Метательные машины? – В голосе Алкивиادا появились нотки раздражения, видно было, что он устал от глупости рабов. – О каких метательных машинах ты говоришь? Ты же ничего не смыслишь в тактике ведения войны и не понимаешь элементарных вещей!

Леша перевел дух, с сомнением оглядел равнодушные или насмешливые лица воинов и решился:

– А что, если я знаю, как построить метательную машину, способную разрушить ворота города?

Алкивиад натужно рассмеялся и посмотрел на Сократа:

– Помнишь, я говорил тебе, что этот юноша выкручивается из любого спора и всегда оставляет за собой последнее слово?

Сократ кивнул:

– Помню. Главное, чтобы за последним словом стояло первое дело...

Алкивиад усмехнулся и повернулся к Алексею:

– Ну давай, расскажи нам о твоём чудо-оружии.

Леша зажмурился, собираясь с мыслями и вспоминая все, что он читал про старинные осадные орудия.

– Можно сделать машину, которая будет кидать камни, как гигантская праща. В моем народе такая машина называлась требушетом. Ее главное достоинство в том, что при правильной настройке она может метать камни в одно и то же место крепостной стены или ворот и легко их разрушить. Я сейчас нарисую, и все станет понятно.

Художник Валерий Шамсутдинов

Леша долго чертил и объяснял устройство требушета столпившимся вокруг него воинам.
– Чтобы пробить стену или ворота, очень важно брать все снаряды одинакового веса и формы. Тогда они будут попадать примерно в одно и то же место.

– Из чего же должны быть сделаны снаряды и как должны выглядеть? – задумчиво спросил Сократ.

– Полагаю, проще всего сделать круглые каменные шары.

– Какого размера?

– Ну... – Леша прикинул в уме. – Они должны весить три-четыре таланта.

Послышались недоверчивые возгласы.

– Четыре таланта? – с сомнением переспросил Сократ и покосился на схему требушета, нарисованную на утоптанной земле. – Большой камешек... Придется, пожалуй, вспомнить, чему меня учил отец. Я, наверное, мог бы за день сделать два или даже три таких...

Воины зашумели, обсуждая перспективы использования подобной машины. Все же, несмотря на хваленые боевые возможности требушета, опытные солдаты с большим скепсисом восприняли обещания Алексиуса. Даже Сократ, казалось, колебался. Лишь в глазах Алкивиада появился огонек интереса. Он отвел Лешу в сторону и засыпал множеством уточняющих вопросов.

Постепенно слушатели потеряли интерес и разбрелись по своим палаткам. Лишь Сократ остался сидеть в задумчивости у медленно затухающего костра. Алкивиад наконец узнал все, что хотел, и горел желанием прямо сейчас бежать к стратегу, чтобы уже с завтрашнего дня приняться за работу.

– Что скажешь, Сократ? – нетерпеливо спросил юноша. – Отличная идея. Ты только представь, что будет, когда я расскажу в Народном собрании о том, как мы взяли Потидею!

При этих словах Леша почувствовал острый укол раздражения и ревности. Как-то не так он себе представлял рассказ о взятии Потидеи. Хотя... Без его знаний эллины вряд ли быстро разберутся с конструкцией требушета, так что Леша им все же понадобится. И можно будет надеяться, что Сократ замолвит за него словечко.

– Как тебе эта идея, Сократ? – повторил Алкивиад. – Думаешь, сработает?

Сократ задумчиво посмотрел на изнемогавшего от нетерпения юношу.

– Сработать-то может и сработает. Но как бы это не обернулось против Афин...

– Как взятие Потидеи может обернуться против Афин?

– А так. В открытом бою Афинам не справиться со Спартой и ее союзниками. Так что в Аттике Афины сейчас спасают разве что стены...

– Глупости! – раздраженно отрезал Алкивиад, но тут же осекся: – Ох, прости Сократ, я не это имел в виду. Я просто хочу, чтобы афиняне быстрее одержали победу. Тогда мы сможем собрать все наши силы в Афинах, и спартанцы не посмеют вторгаться на нашу землю!

– Конечно. Мы все этого хотим.

Алкивиад встрепенулся:

– Отлично! Значит, я пойду к стратегу. Постараюсь убедить его прямо завтра начать работу!

Алкивиад с мечтательной улыбкой убежал в темноту. Сократ проводил его хмурым взглядом и покосился на Алексея. Леша подошел к нему и услышал сквозь треск догорающих веток тихий голос:

Часто мы думаем зло совершить – и добро совершаем;

Думаем сделать добро – зло причиняем взамен.

И никогда не сбывается то, чего смертный желает,

Жалко-беспомощен он, силы ничтожны его.

Алексей вздрогнул, по его спине побежали мурашки, но губы уже невольно шептали ответ:

Но вы спросили, за какую мучит Зевс

Вину меня. Извольте, и о том скажу.

Едва успевши на престол родительский

Усесться, сразу должности и звания

*Богам он роздал, строго между ними власть
Распределил. А человеческим племенем
Несчастливым пренебрег он. Истребить людей
Хотел он даже, чтобы новый род растить.*

При этих словах Сократ встал, оказавшись лицом к лицу с Алексеем. Его взгляд встретился с Лешиным. Лицо Сократа тускло освещали догорающие угли.

– Прометей был наказан не за подаренные людям знания, а за гордыню, – все так же чуть слышно сказал он.

– Постараюсь не повторить его ошибок, – так же тихо ответил Леша.

– Постарайся, – серьезно ответил Сократ и шагнул в ночную темноту.

Глава 3

1

Очень скоро стало понятно, что Лешина идея не вызывает особого энтузиазма у командования. Если бы не усилия Алкивиада, Алексей никогда бы не смог убедить эллинов реализовать его проект. Стратег Формион, командующий Афинскими силами под Потидеей, проявил некоторый интерес и даже выразил готовность предоставить людей, но наотрез оказался выделить хотя бы пару оболов из армейской казны. Так что Алкивиад решил осуществить всю затею за свой счет. Как частное лицо он получил крупный заем в Сане – ближайшем к Потидее союзном городе Афин, куда молодой эллин почему-то зачастил. Лешу поражало и удивляло, как одно лишь имя открывало перед Алкивиадом все двери. Никто не мог отказать ему ни в займе, ни в услуге. И дело было не только в древности его рода и заслугах отца, и даже не в опекуне Перикле – самом влиятельном и уважаемом человеке в Афинах. Стоило признать, что было в Алкивиаде нечто большее: юношеский задор, напористость и уверенность, которой он заражал всех вокруг. Ему без малейшей заминки, под одно его честное слово, ссудили крупную сумму, которая требовалась на постройку большого требушета.

По происхождению и благосостоянию Алкивиад числился всадником, то есть должен был воевать на коне. Всадники не могли на равных сражаться с фалангой, и их служба была гораздо проще и безопаснее. Но Алкивиад отказался от этой возможности и вместе со всеми товарищами стоял в боевом строю. Однако, помимо этого, он за свой счет привез под Потидею двух коней, одновременно выполняя и обязанности всадника, чем заслужил горячее одобрение и поддержку товарищей.

С тоской и легкой завистью Леша следил за тем, как Алкивиад решал все возникающие вопросы. Эллину от рождения было дано такое уважение, почет и влияние, каких простому рабу невозможно достичь, потратив десяток жизней. За Алкивиада эту работу сделали его предки. В который раз Алексей остро осознал всю тщетность и бесплотность своих усилий. Одиночество, тотальное одиночество... Что может один человек?

Постройка требушета продвигалась довольно медленно. Леша очень боялся, что машина развалится после первых выстрелов. Такой провал было бы невозможно искупить и оправдать. Поэтому он наотрез отказался делать машину из сосны, растущей в изобилии на окружающих холмах. Он требовал только дубовые бревна. К счастью, в Сане нашелся небольшой запас дуба, которого хватило впритык. За время строительства несколько каменщиков, включая Сократа, сделали десятки разнокалиберных каменных ядер. Без пробных выстрелов было трудно понять, каких размеров должен быть снаряд, чтобы он долетел до ворот осажденного города и нанес максимальный ущерб. Из этого возникала еще одна проблема. Разумнее всего было поставить требушет на вершине земляного вала, построенного афинскими войсками. Но Леша не знал, какая в итоге получится дальность и возможно ли будет точно нацелить машину на город. Пришлось построить требушет за осадным валом со стороны южной стены, ближе к воротам Потидеи. Лешу очень смущала уязвимость осадной машины, и по его настоянию рядом с требушетом выставили охрану. Но большинство солдат смотрели на эту затею с сомнением и недоверием и искренне считали ее пустой тратой времени.

Однако день за днем деревянная конструкция становилась все внушительнее, заставляя солдат, приходящих из лагеря поглазеть на диковинку, уважительно качать головой и переглядываться. Постепенно в стане афинян нарастало нетерпение – все хотели быстрее опробовать механизм.

Одновременно с размерами требушета росло и Лешино беспокойство. Он не мог перестать думать о том, все ли ему удалось учесть? Он разработал максимально безопасное двухуровневое спусковое устройство, защищающее расчет требушета от случайного выстрела, способного изувечить солдат. Леша уговорил Алквиада провести несколько тренировок на еще незаконченной машине. Хотя сперва эта затея казалась воинам глупой и бессмысленной, после тренировки Алексей почувствовал, что они осознали возможные угрозы и проблемы и наконец-то и ощутил весь грозный потенциал странного на вид оружия.

2

Наступил решающий день. Весь верх земляного вала был усыпан любопытствующими солдатами. Дежурный стратег также отрядил три сотни пельтастов на случай неожиданной вылазки неприятеля. На стенах Потидеи тоже появились зрители. За каменными зубцами то и дело мелькали головы защитников. С десятков выпущенных наудачу стрел торчали из земли на вытоптанном поле.

Леша в последний раз обильно смазывал дегтем все движущиеся части механизма. Раздалось громкое бляение. Алексей спрыгнул с лестницы, обернулся и увидел Алкивиада. Эллин с почтительно-торжественной гримасой приближался к требушету, таща на короткой веревке упирающегося барана. Алкивиад делал вид, что не замечает яростных рывков и отчаянных воплей несчастного животного.

Афинскому стратегу Формиону отводилась главная роль в обряде. С непроницаемым лицом он стоял возле походного алтаря, ожидая жертву.

Художник Валерий Шамсутдинов

Наконец все было готово. Формион махнул рукой, и на треножник упала сухая ветвь мирта. Клубы белого дыма, распространяя терпкий аромат, окутали высокую деревянную станину. Леша сделал слишком глубокий вдох и закашлялся. Слуга подал стратегу небольшую ольпу, и тот, аккуратно взяв ее за высокую изогнутую ручку, ловко плеснул на треножник

изрядную порцию оливкового масла. Полыхнуло пламя. В тот же миг флейтист, стоящий рядом, извлек из инструмента протяжную трель. Все застыли в ожидании. Даже Алексей, десятки раз уже видевший подобные церемонии, замер и внутренне затрепетал. «Только бы получилось... Только бы получилось! Умоляю тебя...» – невольно шептал внутренний голос. Но кого нужно молить о милости, было совершенно не понятно... Неподвижные зрители, напряженно вслушиваясь в переливы флейты. Казалось, даже ветер стих. Стратег с Алкивиадом внимательно всматривались в небо, ища благоприятный знак для начала обряда. На мгновение музыка смолкла – флейтист перевел дыхание, – но вот мелодия полилась вновь. Стратег встрепенулся и указал рукой в сторону Потидеи. Все увидели высоко в небе силуэт ястреба. Хищник сделал мощный взмах и, сложив крылья, резко спикировал к стенкам города. Формион кивнул. Алкивиад перехватил жертвенный нож.

Из распоротой шей барана хлынула кровь. Ни одна капля не упала на землю. Очень хорошо! Леша невольно поймал себя на мысли, что с трепетом ожидает знака богов. Формион встал на колени, распорол брюхо животного и запустил руку во внутренности, нащупывая печень. Алексей поморщился и отвел взгляд.

3

Наконец все церемонии были закончены. Похоже, жертва пришлась богам по вкусу, и они были не против поглазеть на зловещие людские диковинки, сулящие еще больше страданий и крови. Леша прикрыл глаза, вспоминая собственноручно написанную инструкцию. Теперь наступил его черед.

– Расчет, на позицию!

– Есть!

– Накинуть стопор!

– Есть!

– Поднять противовес!

Алексей никогда не любил армейскую муштру и команды. Но сейчас эта церемониальность и грозная неотвратимая поступь последовательных приказов захватила его.

– Накинуть предохранитель!

– Есть!

– Стравить канат!

Время словно остановилось. Мир вокруг исчез. Был только зловещий хищный механизм и несколько человек, слившихся с этой странной чуждой машиной в завораживающем смертельном танце.

– К выстрелу готов!

– Сбросить предохранитель и отойти!

Наконец Алексей, словно очнувшись от сна, заметил окружающую толпу, следящую за ним затаив дыхание.

– Всем отойти!

По толпе пробежал легкий ропот.

– Дальше... Дальше!.. Еще дальше!

Леша сделал десять шагов, разматывая на ходу тонкий пеньковый шнур.

Готово. Через несколько секунд все будет ясно.

– Выстрел!

Громкий протяжный скрип – и свист рассеяемого воздуха. Сотни глаз проводили большой каменный шар, взвившийся высоко в небо. Несколько томительных мгновений, и камень исчез за городской стеной.

Толпа дружно выдохнула. Алкивиад радостно вскрикнул и хлопнул Лешу по плечу. Перелет... Отлично! Самые легкие – трехталантные – ядра падают за стену. Посмотрим, куда попадут четырехталантные.

– Расчет, на позицию!..

Глава 4

1

К вечеру, потратив дюжину каменных ядер, удалось правильно настроить требушет и навести его на цель. Тени деревьев уже медленно растворялись в наползающем сумраке, когда очередное ядро с треском врезалось в городские ворота. Даже отсюда, с расстояния целой стади, было видно, как брызнули в стороны деревянные щепки. Ворота вздрогнули, но устояли. Ничего. Теперь это лишь вопрос времени.

С земляного вала донеслись радостные крики.

– Отлично, Алексиус! – одобрительно сказал Фермион, давно наблюдавший за Лешей. – Я рад, что ты оказался здесь. Афины не забудут оказанной услуги. Если... Гхм... Точнее, когда Потидея падет, тебе окажут все полагающиеся почести.

Стоящий неподалеку Алкивиад нахмурился и поддакнул с кислой улыбкой:

– Да, разумеется. Мы вспомним твои заслуги.

– Ну что же, пора отдыхать! Отлично сегодня поработали. Даже здесь слышно, как потидейцы дрожат от страха. Они получают по полной!

Леша хотел обратиться к нему, но заметив недовольную физиономию Алкивиада, решил, не нарушать субординацию и обратиться к непосредственному командиру, которым и был молодой эллин.

– Господин Алкивиад. Я беспокоюсь о предстоящей ночи. Пока что потидейцы не понимали, что мы готовим, и были спокойны. Но теперь... Может, стоит усилить охрану?

Алкивиад прищурился, испытующе посмотрел Леше в глаза, затем задумчиво оглядел возвышающуюся громаду требушета.

Из-за его спины донесся оклик:

– А, вот вы где! Что же вы не идете ужинать? – Улыбающийся Сократ вышел из темноты. – У нас сегодня небольшой пир в честь Алексиуса! Мясо жертвенного барана вышло отменно. Хорошая работа, молодой человек. Ты заслужил награду и отдых.

При этих словах Алкивиад осклабился и кисло поддакнул:

– Да-да. Несомненно... Пора идти.

Алексей бросил последний внимательный взгляд на зловещий силуэт требушета, растворяющийся в густых сумерках, и пошел за Сократом.

2

Леше не спалось. За ужином Алкивиад был молчалив и немногословен. Причина его плохого настроения была совершенно неясна. В самый разгар пира, после очередной хвалебной речи Алексиусу, он резко и решительно встал и исчез в темноте. Странно, что он так рано отправился спать, но Алексей не решился догнать его и спросить про усиление охраны требушета.

Отчего-то было беспокойно на душе. Ненадолго Леша погрузился в тревожную дрему. Но колючий тюфяк, тонкое, почти не согревающее одеяло и грубая самодельная подушка совсем не способствовали крепкому здоровому сну. Кроме того, почему-то всюду мерещились неясные шорохи и скрипы. Нет, это невозможно!

Алексей натянул шерстяной хитон, поплотней закутался в гимантий и, стараясь не шуметь, вылез из шатра. Оказавшись на улице, Леша сладко зевнул, потянулся, расправил плечи и несколько раз с усилием моргнул, прогоняя остатки сна. Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Близилось новолуние, и на небе светился лишь тонкий лунный серп и тусклые звезды. Ничего. Разведенные вокруг лагеря костры давали достаточно света, чтобы найти дорогу в потемках. Леша зашнуровал сандалии и сделал несколько шагов. Но что-то заставило его остановиться. Он вернулся к шатру, тихо откинул полог, протянул руку и осторожно начал шарить в глубине. Наконец его рука нащупала рукоять. Алексей аккуратно потянул, выживая короткий боевой меч в деревянных ножнах. Теперь можно идти.

Художник Валерий Шамсутдинов

Возле ворот Леша остановился и помахал дежурившим солдатам. Его узнали.
Сладко зевнув, солдат спросил:
– Хайре, Алексиус! Куда идешь ночью?

- Хочу проверить, все ли в порядке.
- Так Алкивиад уже проверил. Совсем недавно был здесь.
- Леша недоуменно качнул головой.
- Ничего. Лишний раз проверить не повредит. Боги помогают терпеливым.
- Ну проходи, проходи...

На первый взгляд все было тихо и спокойно. Леша толкнул в плечо задремавшего на посту часового и похлопал рукой по прохладной шершавой станине. Не подведи меня, боевой друг! Хоть бы все получилось... За заслуги перед городом его наверняка наградят. Свобода... А возможно, чем черт не шутит, и гражданство? От головокружительных перспектив перехватило дыхание. Сколько он тогда сможет сделать, сколько изменить! Может, и она... Пандора... Его сердце пронзила острая боль воспоминания. О, всемогущие боги! Лишь бы с ней все было хорошо.

Леша глубоко вдохнул холодный ночной воздух и расплылся в мечтательной улыбке.

Нет. Что-то не так. Он насторожился. Что-то было не то в воздухе. Что-то неправильное, нехорошее. Леша бросил торопливый взгляд на маленький костер, возле которого грелся часовой. Дым от костра уходил совсем в другую сторону, и пахнуть он должен совсем иначе. А это был неправильный дым. Точно! Хворост так не пахнет. Это же запах древесного угля!

– Тревога!

Словно в ответ на этот призыв из темноты выскочили стремительные тени и бросились к смутно различимому силуэту trebuшета. Раздался звон бьющихся горшков. Пахнуло прогорклым маслом. И в следующую секунду россыпь раскаленный углей прочертила ночную темноту алыми линиями.

– Тревога! Тревога! – надрывался Алексей, срывая с себя гимантий. – К оружию! На нас напали!

Позади на земляном валу полыхнул в небо огненный вихрь сигнального костра. Его злые красные отблески вырвали из ночной темноты искаженные страхом и злостью лица нападавших. Раздался призывный рев кавалерийского рожка и свист дудки. Из шатра, сжимая в руках короткие мечи, выскакивали полуголые воины.

Леша размахивал плащом, пытаясь сбить разрастающееся пламя. Еще звон горшков, запах масла, смешанный с гарью, и, наконец, россыпь красных углей. Проклятье! Леша накрыл гиматием горящее бревно и схватился за рукоять меча.

Художник Валерий Шамсутдинов

Глава 5

1

Пандора безучастно слушала собеседника, лишь изредка кивая непрерывному потоку слов. Ею овладела апатия. Какая-то невероятная неизбывная тяжесть давила на ее плечи. С огромным трудом ей удавалось сохранять гордую осанку. Последние силы уходили на то, чтобы не опустить голову и не отвести взгляд.

– Только до завтра, милая! Только до завтра. Сама видишь, что в городе и яблоку негде упасть! Я с пятью слугами вынужден ютиться всего в трех комнатах.

Пандора устало кивнула:

– Я понимаю.

– Ну и отлично, дорогуша. Не забудь, с тебя три обола!

Пандора долго стояла перед закрытой дверью, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Куда идти и что делать?

Она медленно побрела к городским воротам. Хотелось вырваться из этой суеты, забыть обо всем, остаться наедине с собой. Навстречу шли двое молодых людей. При виде девушки они замедлили шаг и многозначительно переглянулись. Еще совсем недавно Пандора умерла бы от стыда и возмущения. Но сейчас, она лишь безразлично посмотрела сквозь назойливых зевак и поморщилась.

Итак, нужно решить, что делать дальше. От денег, вырученных за золотое ожерелье в Терме, осталось немного, но впереди зима, и прежде, чем у нее появится хоть какой-то шанс добраться до Афин, пройдет несколько месяцев. Несколько месяцев, в течение которых нужно что-то есть, где-то спать и как-то жить. Пандоре очень хотелось выкинуть тяжелые вопросы из головы, подумать обо всем этом завтра или послезавтра, а еще лучше – не думать об этом вовсе. Возможно, полгода назад она так и сделала бы. Но теперь что-то в глубине души не позволяло ей сдать и опустить руки, не разрешало просто спрятаться или убежать. Невольно Пандора задумалась, что на ее месте сделал бы он – тот, кого она так хотела забыть. Однажды он что-то говорил о действиях в трудных обстоятельствах. Нужно подумать. Нужно понять, что у нас есть. Определить достижимую цель и составить план. А затем решать проблемы по очереди, одну за другой. По проблеме за раз.

Идя по узкой, петляющей между обшарпанными домами улице, Пандора размышляла. Что у нее есть? Есть около тридцати оболов. Ничтожно маленькая сумма. Странно... Раньше деньги никогда не заботили ее. Мысли о деньгах казались мелочностью и жадностью. Она вспомнила, как надсмехалась над этим проклятым рабом, как презирала за его скупость! Деньги всегда кажутся недостойной и низкой темой для размышления – но лишь пока они у тебя есть.

Итак, тридцать оболов. На них можно купить еды дней на десять или даже на пятнадцать. Так что добыть деньги сейчас задача важная, но не главная. Что у нее есть еще? Она сама.

На этой мысли Пандора сбилась с шага. Ее лицо исказила болезненная гримаса. Но чего же стоит она сама? Кто она? Благородная афинянка из уважаемой и порядочной семьи. Пандора задумчиво поправила выбившуюся прядь и провела рукой по волосам. Благородная афинская девушка. Уже немало. Этот город— союзник Афин. Рядом афинские войска ведут военные действия. Здесь, в Сане, наверняка есть множество людей из ее родного города. Возможно, даже кто-то знакомый. Значит, нужно искать этих людей. А где можно встретить приезжих? Конечно на агоре!

Пандора остановилась. Ее охватило сомнение и страх. Ей ужасно не хотелось идти на рыночную площадь. Туда, где все будут на нее глазеть и показывать пальцем. Она оценивающе взглянула на свой пеплос и досадливо поморщилась. Грязный и мятый. Она не меняла его со дня отплытия из Термы. Какой позор! В таком виде показаться на людях... Но, похоже, другого выхода нет.

2

Как и опасалась Пандора, на агоре все взгляды были устремлены в ее сторону. Хотя возможно, ей это лишь казалось. Но попав на рыночную площадь, она хотела только одного – сбежать. Сбежать не важно куда, лишь бы не ловить на себе любопытные, сальные, скабрзные взгляды.

Пандора подошла к лавке зеленщика и сделала вид, что выбирает лук. Искоса девушка поглядывала на лица прохожих. Несколько раз, ей казалось, что она встретила знакомое лицо. И каждый раз ее сердце замирало от страха и стыда. Но всякий раз перехватив чужой безразличный взгляд, она понимала, что обозналась.

Художник Валерий Шамсутдинов

Вдруг до ее ушей донесся привычный аттический говор. Так говорить мог только афинянин. Уверенно и насмешливо, слегка смягчая «р». Пандора завертела головой и моментально

заметила говорящего возле сырной лавки. Короткий миг узнавания, и девушка вздрогнула, пытаясь совладать с безотчетным желанием сбежать. Но было поздно. Ее узнали.

– Пандора? – в возгласе странным образом смешались наигранное удивление и восторг. О всемогущие Боги! Только не он!

Но было уже поздно обращаться к богам.

Молодой человек с улыбкой подошел к Пандоре. На его лице слились радость и какое-то странное самодовольство.

Пандора аккуратно положила луковицу на прилавок, благодарно кивнула любопытному продавцу и отряхнула пальцы. Ей было нужно несколько мгновений, чтобы прийти в себя.

– Хайре, господин Алкивиад.

– Всемогущий громовержец! Хайре, госпожа Пандора. Что ты тут делаешь?

Пандора на мгновение закрыла глаза, собираясь с мыслями. Видимо, это и был тот шанс, на который она рассчитывала. Хотя, конечно, надеялась она совсем другое. Почему же Мойры так любят играть людскими судьбами?

– Я рада тебя видеть.

– Клянусь Зевсом, я тоже очень рад тебя видеть, госпожа! Как же ты здесь оказалась?

Пандора вздохнула и потупила взгляд:

– Боюсь, это долгая история...

– Клянусь памятью Гомера, я не успокоюсь, пока не услышу ее от начала и до конца! Позволь тебя проводить. По пути ты мне все расскажешь. Ты здесь с отцом? Где ваши слуги?

От этого потока вопросов у Пандоры закружилась голова и пересохло в горле. Она закашлялась.

Алкивиад огляделся по сторонам и махнул рукой:

– Водонос!

Юркий мальчуган с кувшином в руках словно вырос из-под земли.

– Вода свежая? – задал Алкивиад бессмысленный вопрос.

– Клянусь Гермесом! Только что набрал из священного источника Калипсо! Вот, кувшин еще полный и прохладный!

Алкивиад с сомнением посмотрел на девушку, и она благодарно кивнула, принимая у водоноса чашу.

Прижав чашу к губам, Пандора делала маленькие короткие глотки, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

– Я здесь одна, – тихо сказала она. – Я только сегодня утром прибыла в этот город.

– Всемогущие боги! Одна?! Где же ты остановилась? Где твои слуги?

Пандора с сожалением повела головой, словно не в силах подобрать слова:

– Я еще не нашла место в городе, где можно остановиться. Здесь очень тяжело найти ночлег.

– Да... – задумчиво протянул Алкивиад. – Понимаю... На войну, как на пирушку, слетелись падальщики. Кроме того, есть и те, кто бежит от войны. И им всем нужно где-то жить.

Он на короткое время погрузился в раздумье, затем с деланным сомнением посмотрел на Пандору, словно взвешивая все за и против. Его взгляд скользнул по ее мятому испачканному хитону, по спутавшимся, наскоро уложенным волосам, и наконец молодой эллин собрался с духом.

– У меня в этом городе есть... скажем, знакомая. Она приехала, когда началась осада Потидеи и арендовала дом, когда здесь еще было не так многолюдно. Очень предусмотрительно и своевременно. Я навещаю ее здесь время от времени, когда стратег отпускает в город... – Алкивиад замаялся и добавил: – Но, конечно, не я один к ней хожу. У нас в войске многие с ней дружат. Ее зовут Фрина...

Глаза Пандоры изумленно распахнулись.

– Фрина? – невольно переспросила она. – Жаба?

Алкивиад многозначительно развел руками:

– Понимаешь... Такие девушки стараются выбирать себе подобные имена, чтобы не вызывать людскую злобу и не гневить духов.

– Подобные имена? – снова переспросила Пандора. Она все никак не могла взять в толк, о чем он говорит.

– Да... Ну, такие девушки... Гетеры...

Пандора вздрогнула и закусила губу, недоверчиво глядя на молодого человека.

– Когда меня ранили, она ухаживала за мной, – словно в оправдание Алкивиад продемонстрировал розовый шрам на ноге. – Она немного колдует и знает нужные травы. Я уверен, что она поможет тебе.

– Боюсь, у меня не хватит... Я не смогу достойно отблагодарить такую женщину за гостеприимство.

Алкивиад поднял ладони, обрывая возможные возражения.

– Ради богов, умоляю тебя! Ни слова больше. О деньгах можешь не беспокоиться.

– Я уверена, когда мы вернемся в Афины, мой отец...

– Не бери в голову, госпожа!

Пандора на мгновение зажмурилась и глубоко вздохнула. Нет, совсем не так она представляла себе встречу с соотечественником. Что же делать? Она открыла глаза и испытующе посмотрела на него.

Алкивиад смотрел на нее с напускной серьезностью. Пандоре показалось, что в глубине его глаз играют искорки то ли любопытства, то ли веселья. Видимо, поселить благородную девушку вместе с гетерой казалось ему весьма забавной шуткой. Щеки Пандоры начали заливаться краской. Похоже, Алкивиад почувствовал ее подозрения. Он опустил взгляд и коснулся ладонью лица, словно пряча улыбку.

– Фрина весьма... умная девушка. Мой боевой товарищ, Сократ, сын Софроникса из дема Алопеки, когда мы были у нее в последний раз, очень хвалил ее сметливость и образованность. Может, ты слышала о Сократе?

Пандора осторожно кивнула.

– Да. Дядя Анит жаловался на него отцу и говорил, что Сократ – пустоголовый брехун, сбивающий своими рассказами молодых людей с толку.

Алкивиад осекся и смущенно кашлянул.

– В любом случае, боюсь, более подходящего дома тебе в этом городе не найти.

– А менее подходящего?

– Прости, госпожа... – Алкивиад недоуменно посмотрел на девушку.

Пандора молча посмотрела в ответ, с огромным трудом пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица. Но ее щеки предательски горели.

– Позволь, я хотя бы покажу тебе дом Фрины. Ты поговоришь с ней и сама решишь.

Пандора вздохнула и посмотрела на небо. Прохладное осеннее солнце давно миновало зенит и сейчас неуклонно сползало к горизонту, с трудом пробиваясь сквозь серую пелену облаков.

Девушка вздохнула.

– Хорошо.

Алкивиад с трудом сдержал улыбку.

– Замечательно. Пойдем, я отведу тебя. По пути ты мне все подробно расскажешь.

Глава 6

Дом Фрины располагался на самом краю города, недалеко от южных ворот. Алкивиад, неторопливо шел рядом с Пандорой, подробно расспрашивая о превратностях ее судьбы. Он оказался отличным слушателем. Девушка сама не заметила, как слово за слово поведала ему о своих злключениях. Подробно и обстоятельно она рассказала, как слухи о грядущей войне постепенно заполняли Аттику. Как сотни людей из многочисленных деревень и поселков, скрепя сердце, оставляли родные поля и дома и начали стекаться в Афины. Как старики не хотели сниматься с насиженных мест и на какие ухищрения приходилось идти родственникам, чтобы завлечь родных за безопасные городские стены.

– Тетушка Хрисилла... У нее не было детей. После смерти мужа, она почти перестала общаться с родными. Даже брата, моего отца, не хотела слушать, а меня любила... – Пандора тяжело вздохнула и замолчала.

– Где она жила? – вкрадчиво уточнил Алкивиад.

– В Оропе. Недалеко от границы с Беотией.

– Да... – задумчиво протянул Алкивиад. – Я много слышал о тех событиях. Мы под этой треклятой Потидеей торчим уже больше года, но ребята из пополнения рассказывали. Небольшой отряд фиванцев ночью тайно проник в союзные нам Платеи и попытался захватить город. Им почти это удалось, но платейцы собрались с силами и схватили всех фиванских воинов. Как только об этом узнали в Афинах, в Платеи отправили гонца с советом сохранить фиванцем жизнь, но он не успел. Всех пленных перебили. И фиванцы словно с цепи сорвались. Набеги на Аттику, выжженные поля, грабежи...

– Да, – тихо подтвердила девушка. – Потом я тоже узнала об этом. Но тогда... Мы с отцом совершенно ничего не подозревали. Целый день мы уговаривали тетушку, и наконец она согласилась. Как мы были рады... Весь вечер мы собирали вещи, думали утром отправиться в Афины. А потом... Все произошло так внезапно. Я ничего не успела понять. У отца даже не было оружия, он схватил багор и сбил одного фиванца с ног, но тут подбежали еще трое. Больше я его не видела...

Повисло молчание. Вдруг Пандора встрепенулась:

– До меня дошли вести, что мой отец в плену, в Амфисе. Я знаю, что он очень болен.

Может, ты что-то слышал о нем?

– К сожалению, нет.

– Каждый день я молю богов, чтобы отец остался в живых!

– Я напишу письмо в Афины и постараюсь разузнать о его судьбе!

– Благодарю.

Пандора отвернулась.

– Но что произошло с тобой?

– Я стала пленницей... – тихо и безучастно промолвила девушка.

– Всемогущие боги! Это ужасно!

Пандора равнодушно пожала плечами.

– И что было дальше? – В голосе Алкивиада появились трудноуловимые нотки неподдельного участия.

– Меня купил один человек.

– Он плохо обходился с тобой?

Девушка задумчиво коснулась губ, но, словно спохватившись, отдернула руку.

– Нет.

Алкивиад внимательно смотрел на ее лицо, ожидая продолжения.

– В конце концов он отпустил меня.

Юноша с легким недоверием посмотрел на девушку.

– Весьма... Весьма благородный поступок.

Пандора криво улыбнулась и кивнула. Ей очень не хотелось говорить об этом.

Алкивиад тоже почувствовал некоторую неловкость.

– Кстати, мы как раз пришли. Вот дом Фрины! – с облегчением воскликнул он.

Привратник, узнав Алкивиада, почтительно и безмолвно распахнул перед ними калитку.

Видно, здесь было не принято задавать лишние вопросы. Молодой человек предупредительно пропустил девушку вперед. Пройдя коротким полутемным коридором, они вышли в просторный уютный двор, пронизанный золотистыми лучами заходящего солнца.

Перед Пандорой предстала странная картина. У противоположной стены, под фреской с изображением выходящей из морской пены Афродиты, на коленях спиной к вошедшим, стояла женская фигура в белоснежном пеплосе. Над ней, резко хлопая крыльями и странно подергиваясь, летал белый голубь. Приглядевшись, Пандора увидела, что девушка плавно вращает небольшое деревянное колесо, украшенное разноцветными лентами. От колеса к лапке голубя тянулась тонкая нить. Голубь трепыхался и дергался, но нить крепко удерживала его над головой женщины. Из женских уст доносился тихий мелодичный речитатив, но из-за шума крыльев было невозможно разобрать слова. Сбоку от нее темным силуэтом стояла служанка, закутанная в черный платок и державшая в руках поднос. Служанка бросила на вошедших короткий безразличный взгляд, но осталась неподвижной.

Пандора вздрогнула. Она вспомнила давний рассказ своей подруги Гиппареты о зловещих колдовских обрядах, которыми распутные гетеры привораживают чужих мужей.

Фигура в белоснежном одеянии закончила свою колдовскую песнь, выпрямилась и расправила плечи. Голубь продолжал свои судорожные попытки освободиться из плена, но у него не было шанса. Девушка резко выбросила руку вперед, другой дернув нить к себе. Голубь оказался в ее ладонях. Гетера сдала резкое движение. Пандоре даже почудилось, что она услышала отвратительный хруст. Голова голубя безвольно повисла. Девушка положила голубя на поднос. Служанка плавно опустилась на колени и поставила поднос на пол. В ее руке блеснул нож.

Пандора, как замороженная, смотрела на обряд, не в силах отвести глаз.

Несколько коротких умелых движений ножом, и темная фигура служанки выпрямилась, держа на вытянутой руке тонкое окровавленное лезвие с голубиным сердцем, насаженным на острие. Тяжелые алые капли падали на белые мраморные плиты. Девушка склонилась над протянутым ножом, не прикасаясь к нему руками, аккуратно, одними губами, взяла голубиное сердце с острия и сделала судорожное глотательное движение. Затем она расплылась в какой-то хищной самодовольной улыбке и наконец взглянула на гостей. По ее лицу скользнуло легкое удивление, но его быстро сменила радушная улыбка. Девушка повернулась и подошла к ним.

– Клянусь пенорожденной, не ожидала так скоро тебя увидеть вновь, мой милый!

Пандора с изумлением и с каким-то болезненным любопытством разглядывала незнакомку. Нет, совсем не так она представляла себе гетер. Эта девушка была удивительно изящна и красива. Не старше нее самой. Впервые в жизни Пандора видела столь умело и уместно нанесенную косметику. Все взрослые женщины в ее окружении пользовались белилами, тушью и сурьмой, особенно собираясь на праздники или похороны. И всегда это выглядело чрезмерным и вызывающим. Именно такими Пандора и представляла себе гетер. Но эта красивая, стройная, изысканная и уверенная в себе девушка, совсем не походила на созданный в ее мыслях образ распутной гетеры. Лишь одно на лице девушки было пугающе неуместно – капля голубиной крови, сбегаящая из уголка пухлых алых губ.

Художник Валерий Шамсутдинов

Алкивиад улыбнулся, бесцеремонно протянул руку к лицу девушки и смазал большим пальцем стекающую кровь. Девушка не отстранилась, а наоборот подставила ему подбородок. Затем гетера распахнула губы и бесстыдно слизнула остатки крови.

Алкивиад ухмыльнулся и в свою очередь нарочито облизал окровавленный палец.

– На кого ворожишь? Надеюсь, не на меня?

– О! Не беспокойся. На такого, как ты, голубей не напасешься! – и уклончиво добавила: – Ты его не знаешь.

– Боишься, уведу?

– С тебя станется! – с натянутой улыбкой отшутилась гетера и наконец взглянула на Пандору, – А что это за очаровательное создание ты привел с собой? Даже не пытайся меня обмануть! Я не позволю тебе встречаться здесь с невинными девушками.

Пандора почувствовала, как ее щеки снова начинают гореть. Она была готова провалиться в Аид от неловкости.

– Позволь представить тебе, – церемонно и выпренно начал Алкивиад, повернувшись к Пандоре, но в его голосе сквозила какая-то ирония, – госпожа Пандора, дочь почтенного Тофона. Моего хорошего друга из Афин.

– Вот как? – насмешливо перебила его гетера, – Приводишь ко мне дочерей почтенных афинских граждан, да к тому же еще твоих близких друзей? Хорош друг, нечего сказать!

– Я... – начал было Алкивиад, но гетера жестом оборвала его возражение.

– Меня зовут Фрина, госпожа. – Гетера почтительно поклонилась Пандоре. В ее глазах мелькнула тяжелая неизбывная тоска. – Будь моей гостьей.

Пандора невольно сжалась и коротко кивнула.

– Прошу, пройдемте. – Гетера бросила короткий взгляд на черную фигуру служанки, раздувающей жаровню под алтарем Афродиты. – Терпеть не могу запах паленых перьев.

С этими словами она увлекла гостей по длинному темному коридору.

Алкивиад коротко пересказал Фрине историю Пандоры. Гетера ненадолго задумалась, бросила оценивающий взгляд на девушку и, кивнув, поманила за собой гостей.

На заднем двореике Фрина подвела гостей к крутой узкой лестнице.

– Раньше здесь располагался гинекей. Но, – гетера усмехнулась, – как вы понимаете, мне он не нужен. Наверху две комнаты. Сейчас в них живут прислужницы, но они передут вниз. Место есть. Надеюсь, тебе с твоими слугам хватит двух комнат?

– Этого более чем достаточно. У меня нет слуг.

– Нет слуг? Всемогущие боги! Это непостижимо. Я дам тебе служанку.

Пандора растерянно молчала.

– Ну как? Тебе нравится, госпожа?

– Да... Спасибо. Здесь очень славно. Но я не знаю... Сколько...

Молодой человек прервал ее.

– Клянусь богами, ни слова о деньгах! – Он повернулся к гетере: – Дорогая, позаботишься о нашей гостье? Мы потом с тобой все решим.

По лицу гетеры скользнула легкая улыбка.

– Разумеется.

– Благодарю тебя, госпожа, – тихо прошептала Пандора.

– Ох, когда такие благородные девушки называют меня госпожой, я просто теряюсь!

Давай в этом доме обойдемся без церемоний?

– Конечно, гос... Прости... – смутилась девушка.

– Вот и отлично, дорогуша! – усмехнулась Фрина. – Надеюсь, мы станем подругами?

– Буду очень... рада. – с трудом выдавила Пандора.

– Замечательно, а сейчас приглашаю вас отужинать, пока слуги подготовят комнаты.

Глава 7

1

Прошло несколько дней. Пандора понемногу обживалась в доме гетеры. Фрина выделила ей служанку, и девушка наконец почувствовала себя в относительной безопасности. По крайней мере, бытовые вопросы больше не представляли трудностей. У нее был кров, была еда и защита. Что еще может желать благородная афинская девушка? Каждый раз Пандора задавала себе этот вопрос и терялась, не в силах отыскать ответ. Но несомненно было что-то еще. Что-то появилось у нее в глубине души. Какое-то неясное, трудноуловимое желание.

В который раз Пандора листала подаренную ей рукопись. И каждый раз эти странные нескладные слова чем-то ее цепляли, задевали что-то глубоко у нее внутри:

«Все возможное – существует. Боги всемогущи и создали все, что возможно. Но создание невозможного превышало их могущество. И поэтому боги создали человека. Цель человеческой жизни, судьба и предназначение человека – создавать то, что не под силу даже богам. Смысл человеческого существования – создавать невозможное. Человек – единственное существо, которое не сразу появляется в мире. Человек сначала рождается, а лишь затем становится. Человек создает себя сам, потому что он свободен. Человек свободен выбирать. Он становится тем, кем он хочет и может быть. Становится тем, кто делает невозможное возможным...»

Тихо скрипнула дверь. Пандора вздрогнула и обернулась. В комнату вошла Фрина. Пандора поднялась ей навстречу. Гетера бросила взгляд на разложенные листы, и по ее лицу скользнула тень насмешливого недоумения.

– Дорогуша, ты что, читаешь?

Пандора произвольно отодвинула рукопись.

– Милая, ты же так совсем зачахнешь! На тебе лица нет! Бледная вся, осунулась! Тебе нужно отдохнуть, вечером мы ждем гостей.

– Гостей? – с тревогой переспросила девушка. – Но... как я...

– Нет-нет! – Фрина предостерегающе подняла руку, – Не хочу слышать никаких возражений! – Гетера многозначительно посмотрела на Пандору. – Скоро придет Алкивиад со своим другом. Он выслал вперед слугу предупредить меня. Клянусь Зевсом, первый раз на моей памяти Алкивиад возвращается так скоро. Подозреваю, ему не просто было договориться со стратегом, чтобы тот отпустил его. Я бы не хотела его разочаровывать. И тебе не советую. Этот юноша далеко пойдет, поверь мне!

– Но ведь он придет к тебе. Я не могу... быть там.

– Можешь, можешь! В этом доме девушки могут многое себе позволить. И не нужно смотреть на меня таким испуганным взглядом! Никто тебя здесь не обидит, обещаю.

– Но зачем мне идти туда?

Фрина испытующе посмотрела в глаза Пандоры.

– Ты когда-нибудь думала о том, что ждет тебя по возвращению в Афины?

Лицо девушки исказила болезненная гримаса. Она тихо прошептала, почти не разжимая губ:

– Да.

– Ну и что же?

– Позор.

– Чтобы избежать его, тебе и нужен Алкивиад, понимаешь? С таким защитником никто не посмеет говорить о тебе дурное.

– Но нужна ли ему я?

Фрина усмехнулась:

– О, не сомневайся! Еще никогда на моей памяти он так ни о ком не хлопотал.

– Но что ему нужно от меня?

– Известно что...

Пандора встrepенулась и стиснула зубы.

– Я туда не пойду!

– Не глупи и ничего не бойся. Алкивиад – благородный юноша. – Фрина замолчала и испытующе посмотрела на девушку: – Кстати, а как он тебе?

– Алкивиад? – невольно переспросила Пандора, чувствуя предательский жар у щек.

Фрина с усмешкой кивнула.

– Я... Я не знаю...

– Не стесняйся дорогуша! Согласись, он хорош.

Пандора осторожно кивнула.

– Мне кажется, несправедливо, что благородные девушки не могут выбирать себе мужчину. В отличии от гетер... Забавно... Чтобы мужчина женился на девушке, он требует у ее отца приданное, а гетере он сам несет серебро, да еще и валяется в ногах, умоляя его принять. – Фрина презрительно поморщилась, тряхнула головой, словно отгоняя какое-то воспоминание, и продолжила: – А Алкивиад... Чтобы заполучить такого мужа, требуется большое приданное. Но та, которой он достанется, не будет разочарована. Уверяю тебя.

– Разве можно разочароваться в своем муже? – невольно вырвалось у Пандоры.

Фрина расхохоталась:

– О да! И еще как!

В ее голосе слышался некий неподобающий намек. Пандора не поняла, но все равно покраснела.

Гетера стала серьезной.

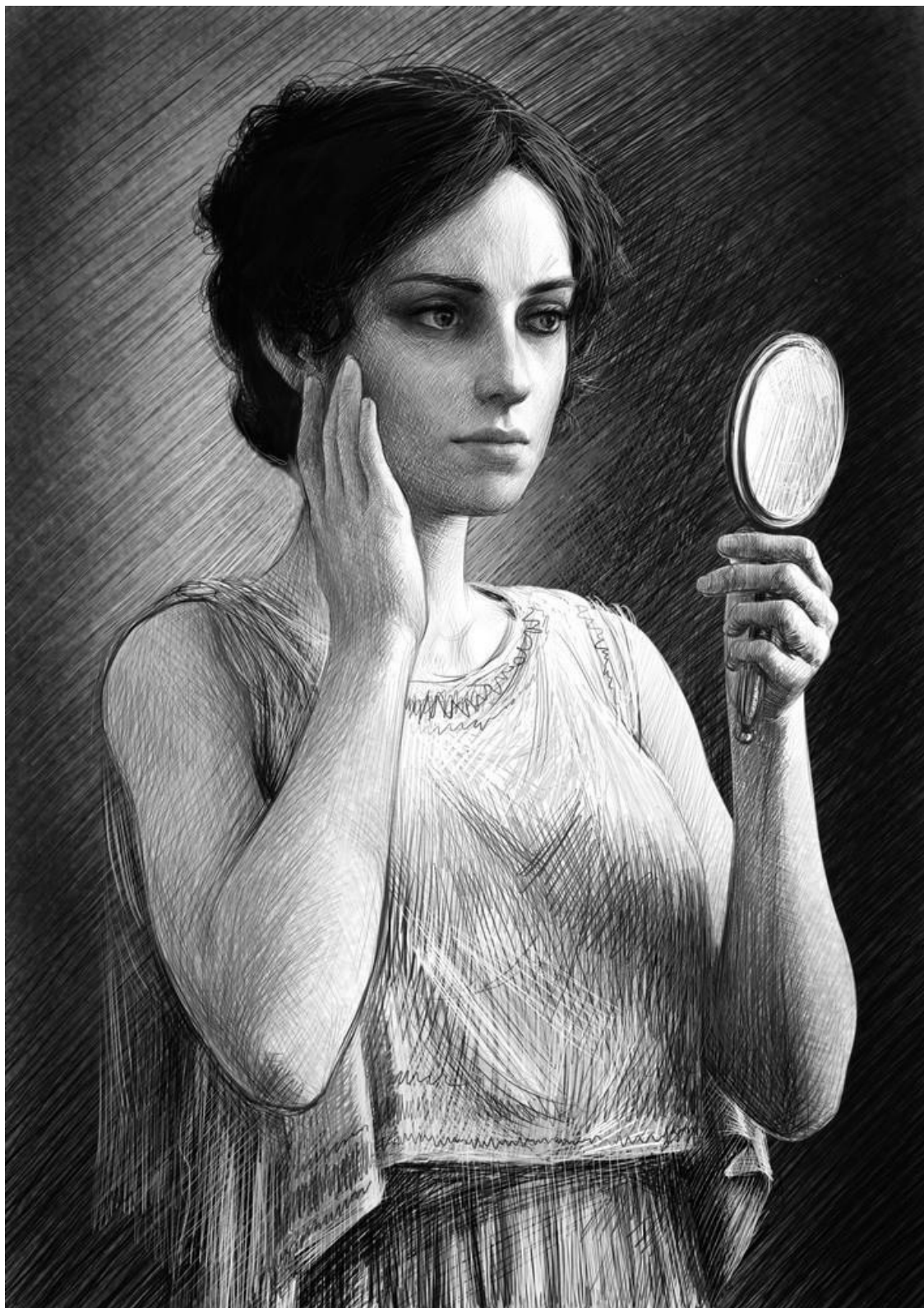
– В жизни каждой женщины есть краткий миг расцвета, когда она сама выбирает свою судьбу. В этот миг женщине подвластно все: цари, герои и даже боги склоняются перед ней. Даже когда кажется, что выбора нет, он есть. Но потом исправить что-либо будет невозможно. Я сама прошла через это. Я сделала свой выбор – ты можешь сделать свой. И Алкивиад – хорошее начало, поверь мне... – Фрина перехватила испытующий взгляд Пандоры и осеклась.

Повисло неловкое молчание.

– Ладно. Собирайся, приводи себя в порядок. Не буду тебе мешать. У меня есть восхитительный хитон из косской шерсти. Тебе будет очень к лицу. Служанки принесут его и помогут тебе подготовиться.

2

Пандора вытянула руку с тяжелым бронзовым зеркалом, пытаясь разглядеть свое отражение в тусклой бронзовой мути. С какой-то странной неловкостью и досадой вспомнила она те волшебные зеркала, что остались в разоренном поместье. Неприятно было осознавать, насколько ей недоставало их. Резкий укол стыда заставил ее отбросить зеркало на ложе. Нет! Она не должна идти на этот ужин!

Художник Валерий Шамсутдинов

Снизу уже доносились веселые голоса и звон посуды. С кухни тянуло ароматом жареного лука и запечённого мяса. Раздался робкая музыкальная трель – флейтисты готовились к выступлению.

К ней заглянула Фрина.

– Ты готова?

Пандора выпрямилась, застенчиво оправляя тонкий хитон дорийского покроя. Аккуратно подшитая ткань с алой каймой едва закрывала колени. В детстве было удобно ходить в подобной одежде, но сейчас девушка чувствовала сильную неловкость.

Фрина вскинула брови, зашла в комнату и впилась в Пандору цепким оценивающим взглядом.

– Очень... очень неплохо. Кажется, я начинаю ревновать.

Сама Фрина оделась с большим изяществом, но несколько вызывающе. На гетере был короткий дорийский хитон. Руки украшали тяжелые золотые браслеты. Лишь тонкое серебряное ожерелье на шее смотрелось дешево и потому несколько неуместно. Несмотря на охватившее ее смущение, Пандора не могла не восхититься Фриной и не отметить эту странную деталь. Только сейчас она обратила внимание, что гетера никогда не снимает это украшение.

– Госпожа, позволь... – Пандора осеклась, перехватив насмешливый взгляд гетеры, и поправилась: – Позволь мне остаться. Я не хочу... не могу, туда пойти.

– Полагаешь, появиться в подобном обществе – ниже твоего достоинства? – с холодком в голосе спросила гетера.

– Нет, что ты, госпожа! Наоборот...

– Наоборот? Хочешь сказать, что ты этого недостойна?

Пандора, опустив глаза, растерянно теребила подол хитона, пытаясь подобрать нужные слова.

Гетера рассмеялась:

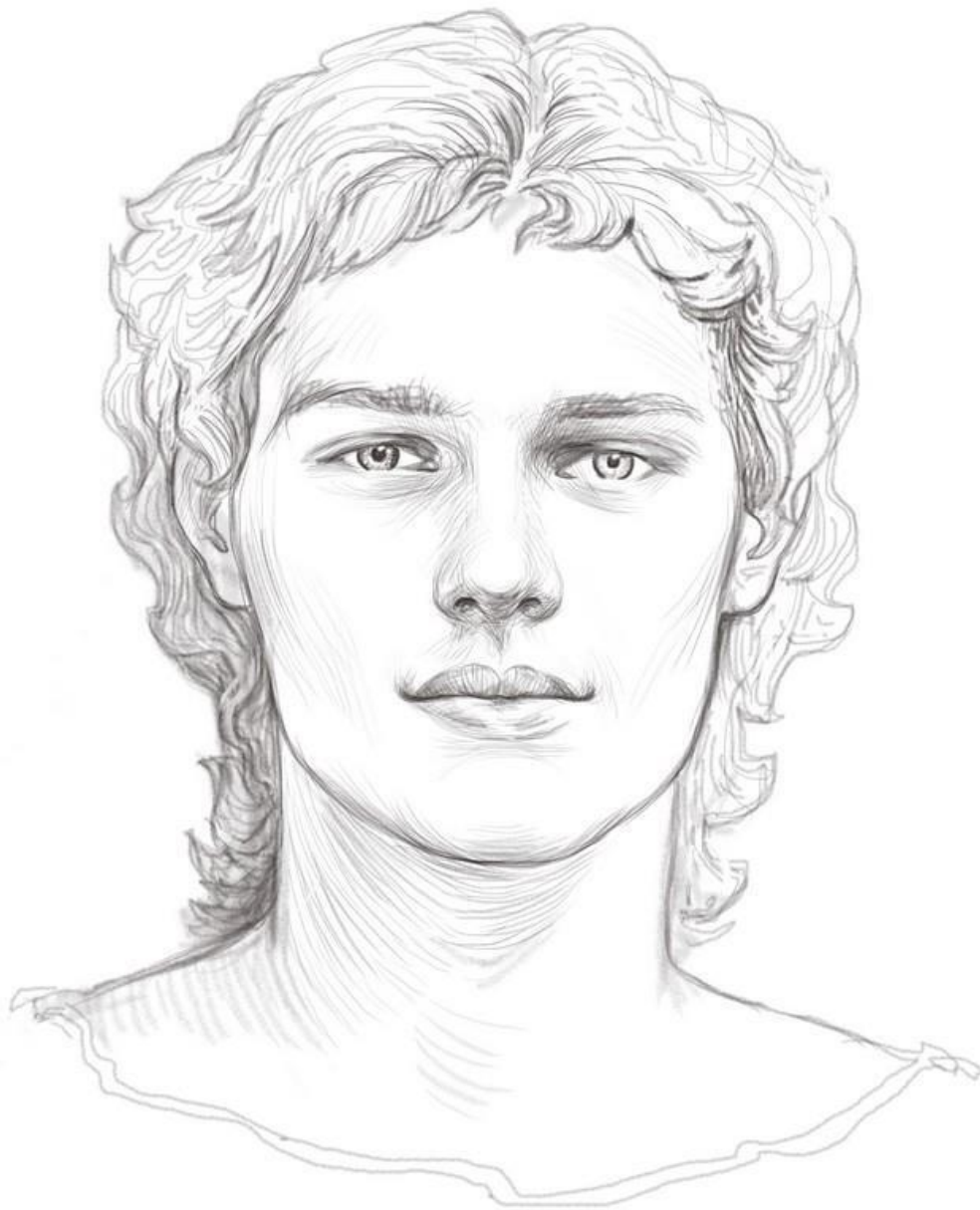
– Полно! Не забивай себе голову глупыми сомнениями. Пошли вниз.

Глава 8

Фрина с Пандорой вошли в симпозион, их появление было встречено приветственными возгласами. Пандора испуганно огляделась.

Пиршественный зал освещался многочисленными лампами. Однако, вопреки опасениям Пандоры, гостей было немного. Всего двое мужчин разместились на высоких клине. Перед ними на низких столах стояли разнообразные яства, наполняющие зал будоражащими аппетит ароматами.

На самом почетном месте возлежал Алкивиад.

Художник Валерий Шамсутдинов

Слева – незнакомый молодой человек чуть старше него на вид.
На лице Фрины расцвела широкая приветливая улыбка.

– Позвольте представить мою дорогую гостью, дочь почтенного Тофона из Афин, Пандору.

Затем она махнула рукой в сторону мужчин:

– Это Федр, сын Филеба. Ну, а этого юношу, – гетера кивнула в сторону Алкивиада, – ты знаешь.

С огромным усилием поборов сковавшее ее оцепенение, девушка почтительно поклонилась и замерла, не поднимая глаз.

– Хайре, милая. Рад видеть тебя! – приветливо улыбнулся Федр и обернулся к Алкивиаду: – Ты был прав, такое очаровательное создание будет украшением нашего ужина!

Фрина добродушно усмехнулась и подошла к пустой клине, стоявшей рядом с ложем Федра. Ловко пододвинув ногой небольшую скамеечку, гетера грациозно взошла на ложе и бесстыдно раскинулась на нем. Ее короткий хитон задрался выше колен, обнажив красивые стройные ноги. Мужские взгляды неотрывно сопровождали каждое ее движение.

Гетера самодовольно оскалилась и призывно махнула рукой, указав на свободное ложе:

– Присоединяйся.

Пандору бросило в жар.

– Позволь я... Я лучше сяду.

– Располагайся, как тебе удобнее, – пренебрежительно бросила гетера и кивнула слуге, стоящему в полутемной нише. Затем она повернулась к Алкивиаду: – Ну поведай, как ты уговорил Формиона отпустить вас ко мне в гости?

Слуга вышел из зала и вскоре вернулся, неся на вытянутых руках тяжелый климос с красивыми гнутыми ножками.

Пандора проскользнула на свое место и вжалась в высокую спинку климоса. Как она жалела, что у нее нет с собой плаща или диплакса! Ей очень хотелось закутаться в него с головой или хотя бы накинуть на выглядывающие из-под хитона голые колени.

Сотрапезники совершили возлияние и поблагодарили богов. Наконец начался ужин. К радости Пандоры, на нее почти не обращали внимания.

Федр, бывший симпосиархом, предложил разводить вино такой же частью воды. Алкивиад лукаво подмигнул Фрине и с легкой улыбкой покосился на Пандору.

Началась неторопливая трапеза.

– Клянусь Зевсом, давно не ел так вкусно и сытно. Под этой треклятой Потидеей уже давно не найти ничего приличного, – промолвил Федр, отламывая от жареной курицы ножку.

– Потерпи. Недолго им осталось. Я уже оплатил дубовые бревна, – усмехнулся Алкивиад, поднося ко рту кусок телячьей печенки, с которого обильно стекала подлива.

– Ты всерьез думаешь, что затея этого раба сработает?

Алкивиад бросил короткий взгляд на Пандору и торопливо проглотил недожеванное мясо.

– Давай не будем нагонять тоску на наших прелестных хозяек своими скучными разговорами!

Фрина махнула рукой, подавая знак слугам. Полилась приятная мягкая мелодия. В центр зала выпорхнули две девушки в коротких зеленых хитонах с бубнами в руках. Их головы украшали тяжелые венки из плюща, обвитые яркими лентами. Девушки изящно закружились в такт музыке. Невольно бросив на них взгляд, Пандора уже не могла отвести глаз. Ее захватил ритм. Синхронные, грациозные, отточенные движения словно гипнотизировали ее. Ей невольно захотелось слиться с мелодией, раствориться в ее волшебных звуках, отдать себя плавному течению танца. Она незаметно для себя опустошила чашу с вином, и виночерпий предупредительно наполнил ее снова.

Мужчины громко выражали одобрение. Похоже, музыка заворожала не только Пандору. Фрина спрыгнула с ложа и порхнула в центр зала. Танцовщицы, не прерывая выступление,

умело и споро расступились, освобождая пространство для гетеры. Видимо, подобный энтузиазм зрителей был для них привычным делом. Высоко подняв руки и выгнув спину, гетера замерла на мгновение, словно готовясь к прыжку, а затем окунулась в поток льющих звуков. Ее движения были ловки и отточены до совершенства. Своей грацией Фрина ни в чем не уступала опытным танцовщицам. Пандора залюбовалась ей. Вышедшие из повиновения пальцы девушки наигрывали на коленях мелодию в такт музыке.

Неожиданно над ее ухом раздался громкий шепот:

– А ты не хочешь присоединиться к ним?

Пандора вздрогнула и обернулась. Алкивиад, свесившись с клине, с насмешливой улыбкой смотрел на нее.

Девушка возмущенно отпрянула и зарделась. Алкивиад попытался изобразить невинную доброжелательность. Пандора ничего не ответила и отвернулась.

Танец кончился. Разгоряченная, тяжело дышащая Фрина оправила сбившийся хитон, элегантно поклонилась зрителям и вернулась на место.

– Поистине, красота порождает любовь! – одобрительно провозгласил Федр, хлопая в ладоши. Фрина поддакнула и непринужденно подобрала хитон, излишне закрывавший ее стройные бедра.

– Ну что же, будем пить за любовь! – провозгласил Алкивиад, сделал возлияние Афродите и поднял кубок.

Пандора почувствовала легкое головокружение. Весь этот пир, музыка, разгоряченные танцовщицы и крепкое вино – все наполняло сердце радостью, каким-то теплым манящим обещанием, предчувствием чего-то сладкого и таинственного. Она бросила короткий взгляд на Алкивиада. Юноша вальяжно развалился на клине. Фибула на его левом плече расстегнулась, и сползший хитон больше не скрывал крепкий мускулистый торс. Золотистые кудри спадали на плечи. Разглядывая украдкой Алкивиада, Пандора на миг ощутила волнующую тяжесть в животе, но неожиданно заметила, что корни его светлых волос – темные. Она прыснула, подавившись вином от нахлынувшего приступа смеха. Алкивиад покосился на нее и широко улыбнулся.

– Но что же такое любовь? – вступила в разговор Фрина.

– Любовь – это сладкая болезнь, обман, обещание сказочного блаженства, приносящее тревоги, мучения и долги, – невесело рассмеялся Федр.

– Хорошо, что от этой болезни есть лекарство, – лукаво улыбнулась гетера.

– Есть. Только стоит оно недешево...

Фрина расхохоталась.

– Да. Пожалуй, любовь – это болезнь, – поддакнул Алкивиад. – Влюбленный человек не владеет собой. В любви все средства хороши: подарки, мольбы и даже угрозы. Как можно винить влюбленного, ведь нет его вины, что он согласен на все, лишь бы утолить мучающую его страсть?

– И ты думаешь, что любовь оправдывает все? – невольно вырвалось у Пандоры. – Обман, подлость... и даже принуждение?

– Влюбленные человек просто не думает о таких вещах. Со мной такое бывает редко, но порой... – Алкивиад сделал выразительную паузу и многозначительно посмотрел на Пандору. – А ты, госпожа Пандора. Что такое, по-твоему, любовь?

Сердце Пандоры замерло. Она глядела в искрящиеся голубые глаза Алкивиада, окаймленные длинными ресницами, и пыталась найти ответ. Что-то вертелось на языке. Какое-то смутное воспоминание.

Еще миг, и ее губы сами прошептали:

– А может, любовь – это когда счастье любимого человека для тебя становится превыше твоей страсти?

Алкивиад фыркнул:

– Клянусь Афродитой! Госпожа Пандора, ведь не существует таких людей... – Алкивиад осекся и самодовольно поправился: – Не существует таких мужчин, которые будут готовы отказаться от того, чего они действительно хотят. Предпочесть чье-то мнимое счастье своей страсти? Глупо и даже неблагочестиво. Ведь это противоречит воле богов, которые и посылают нам любовь!

– Мне кажется, что все герои древности потому и были героями, что постоянно преодолевали волю богов или хотя бы бросали им вызов.

– И чем это для них заканчивалось? Страданиями, мучениями, смертью и... – начал нарочито перечислять Алкивиад

– Славой?! – шутливо встрял в разговор Федр.

Алкивиад осекся и сердито бросил:

– Волю богов преодолеть невозможно!

– А если боги для этого и создали человека? – чуть слышно спросила девушка.

– Для чего?

– Чтобы совершать невозможное.

Пандора бросила короткий взгляд на опешившего Алкивиада и поднялась, чувствуя шум в голове.

– Простите, уважаемые. Благодарю вас за эту трапезу.

– Уже уходишь? – невольно вырвалось у Алкивиада.

– Боюсь, я вынуждена вас покинуть. Я неважно себя чувствую.

Пандора почтительно поклонилась, перехватила растерянный обеспокоенный взгляд Фрины и торопливо вышла из зала.

Музыканты, прислушивающиеся к беседе, в тот же миг синхронно поднесли флейты к губам. И веселая журчащая музыка полилась под сводами симпозиона.

Пандора закрыла дверь.

Глава 9

Утром, когда Пандора спустилась к завтраку, гости и хозяйка дома еще спали. Лишь когда Пандора уже доедала последнюю пшеничную лепешку, во дворе появилась заспанная Фрина. Ее лицо искажала страдальческая гримаса. Девушка с силой сдавила себе виски и издала тихий стон. К ней тут же подбежала служанка, протягивая заранее подготовленный кубок. Гетера пригнулась, поморщилась и одним глотком проглотила содержимое.

Художник Валерий Шамсутдинов

– Ох... Что же это за вино-то было вчера... – пробормотала она и плюхнулась на климос напротив Пандоры.

Слуги быстро накрывали на стол.

Посидев некоторое время с закрытыми глазами, Фрина взглянула на Пандору. Казалось, она начала приходить в себя.

Гетера долго не сводила глаз с девушки.

– Да... Похоже я тебя недооценила... – вымолвила она с натянутой улыбкой. – Моей компаньонкой тебе не быть. Слишком мелко для тебя.

– Прости, госпожа, я не понимаю...

Фрина оборвала ее взмахом руки.

– Только не так громко... – Она прикрыла глаза. – Но как ты его, а? Кто бы мог подумать? Нечего, ему полезно, чтобы его порой ставили на место.

– Госпожа, я не понимаю. Что случилось? Что я сделала не так?

– О! Не переживай. Ты все сделала так! Это я должна у тебя учиться. И хватит называть меня госпожой.

В этот момент из спальни Фрины показался Федр. Он сладко зевнул, потянулся и с обожанием посмотрел на гетеру.

Фрина перехватила его взгляд и улыбнулась:

– Садись, милый. Сейчас все принесут.

Пандора торопливо вскочила:

– Благодарю тебя. Да хранят боги очаг этого дома!

Стиснув в руках небольшую миску с отложенными для богов приношениями, она торопливо направилась к двери.

К счастью, во дворике у алтаря никого не было, и Пандора смогла спокойно оказать богам все подобающие почести. Закончив обряд, она обернулась и вздрогнула от неожиданности: в нескольких шагах за спиной стоял Алкивиад и с легкой улыбкой смотрел на нее. Как давно он здесь? Девушке стало не по себе.

– В наше время редко встретишь подобное благочестие.

Пандора отвела взгляд и опустила голову. Она никак не могла решить, что ей следует делать. Странные намеки Фрины не шли из головы.

Алкивиад сделал несколько шагов. Теперь он стоял совсем рядом. Пандора ощущала какой-то сладковатый аромат. Розовая вода?

– Я всю ночь думал о тебе, госпожа.

Пандора, не глядя на юношу, подняла с плеч диплакс и накинула на голову.

Алкивиад усмехнулся:

– Я хотел сказать, что несколько дней назад отправил с гонцом письмо в Афины. Корабли, к сожалению, уже не плавают – осенью часты шторма. Но по суше добраться можно. Хотя это и не безопасно.

Пандора встrepенулась:

– Ты сказал – письмо?

– Да. Я попросил друзей разузнать о судьбе твоего отца.

Пандора зажмурилась от нахлынувшей боли и надежды.

– Спасибо, господин Алкивиад.

– Уверен, что с твоим отцом все в порядке. Как только у меня будут вести, я сразу сообщу тебе.

Алкивиад протянул руку и взял ладонь Пандоры. Девушка вздрогнула, поборов желание освободиться.

Алкивиад улыбнулся.

– Я всегда очень уважал твоего отца. Он один из самых достойных афинских граждан и при этом столько работает, показывая другим, как следует вести дела. У него, кажется, две гончарные мастерские?

– Три, – сорвалось с языка у Пандоры.

– Тем более... Я знаю, что он несколько раз вне очереди брал на себя литургию триерархии. Это очень достойный шаг. Для любого молодого человека было бы честью породниться с такой уважаемой семьей.

Девушка недоверчиво посмотрела на Алкивиада. Но тот лишь сильнее сжал ее ладонь.

– Не сомневаюсь, что твой отец был бы этому рад.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Алкивиад досадливо поморщился.

– Пандора, я уверен, что любой бы одобрил подобный союз. Я хотел бы быть с тобой.

Девушка прикрыла глаза, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Наконец она решилась задать мучавший ее вопрос:

– Господин, тебя не пугает то, что я была пленницей?

Алкивиад скривился:

– Уверен, мы договоримся с господином Тофоном и об этом...

Повисла неловкая пауза.

– Я сделаю то, что прикажет мне отец, – вымолвила Пандора.

– Конечно. Я понимаю. Но ведь мы оба знаем, какое он примет решение. Так к чему ждать? – Алкивиад тоскливо вздохнул и тихо произнес, будто бы про себя, но Пандора отчетливо расслышала его шепот: – Военное счастье так переменчиво. Сегодня ты жив, а завтра...

Воцарилась напряженная тишина. Пандора долго подбирала слова. Наконец она прошептала:

– Господин... Понимаешь... Я... Я не принадлежу себе... Когда-то давно... – Пандора замолчала, силясь найти нужные слова.

Но Алкивиад с добродушной усмешкой остановил ее:

– А-а-а... Как же... Ты про то таинственное пророчество, которое услышала твоя мать, когда была на сносях?

Девушка с ужасом и непониманием уставилась на Алкивиада. Тот закатил глаза, будто силясь что-то вспомнить:

– Как же там было? Ага! «Доблестный муж, что Афины спасет, сердце Пандоры он забереет!» Правильно? Ведь именно поэтому тебя и назвали Пандорой?

Пандора почувствовала дрожь в коленях, на ее глазах навернулись слезы. Ее голос дрогнул:

– Откуда ты знаешь об этом?

Алкивиад развел руками:

– Мне рассказала Гиппарета. Она же твоя подруга?

– Она не должна была! – воскликнула Пандора, вырвав свою ладонь из его рук.

В глазах Алкивиада мелькнула улыбка, но он тут же согнал ее с лица.

– Прости. Я не знал, что это тайна, но... Подумай сама. Не хочу бахвалиться, но ты ведь знаешь, кем был мой отец и кто мой опекун? Кто, кроме меня, сможет исполнить пророчество?

– Ты спас Афины?

Алкивиад наигранно рассмеялся.

– Еще нет. Но, надеюсь, взятие после многомесячной осады неприступного города, врага Афин, можно считать спасением Аттики?

– И ты сделаешь это сам, один?

Алкивиад ухмыльнулся:

– Можно сказать и так. Я сейчас готовлю такое... Скоро вся Эллада будет говорить о том, как Алкивиад захватил Потидею и спас Афины.

В голосе молодого человека послышалось нечто зловещее. У Пандоры по спине пробежал холодок.

– Надеюсь, всемогущие боги помогут афинянам. Я буду молиться за твою победу, – прошептала Пандора и коснулась его руки.

Алкивиад самодовольно улыбнулся.

– Благодарю тебя. И надеюсь, что ты вознаградишь меня, как сказано в старом пророчестве.

– На все воля богов, – ответила Пандора и торопливо пошла к двери.

Глава 10

1

Алкивиад стал постоянным гостем в доме Фрины. Он часто бывал в Сане по каким-то военным нуждам и каждый раз заходил навестить Пандору. Впрочем, это не мешало ему проводить ночи с гетерой.

По городу ползли разные слухи. Говорили, что афиняне делают у Потидеи гигантского коня, как когда-то в Трое. Но конь этот якобы сможет перепрыгнуть через стену с воинами внутри. Говорили про огнедышащего дракона и про циклопа, мечущего гигантские камни. На все вопросы Алкивиад отшучивался и отвечал уклончиво. Хотя не оставалось сомнений: готовилось нечто удивительное и грандиозное.

Разговор с Алкивиадом что-то пробудил в душе Пандоры. Надежда и страх, мучавшие ее, становились сильнее и сильнее с каждым днем. Девушка теперь постоянно думала о судьбе отца и о пророчестве, которое вспомнил Алкивиад. Особенно эти мысли терзали ее по утрам и вечерам. Она подолгу лежала в кровати, прячась под теплым одеялом от холодного осеннего воздуха, опасаясь выйти из комнаты и случайно столкнуться с молодым человеком.

Постепенно она все больше и больше осознавала, что предсказание, казавшееся в детстве сказочным, далеким и невозможным, обретает реальность, воплощается и наполняет ее судьбу. Но, к сожалению, это было не все. Теперь ее память терзало и другое воспоминание: о том, что случилась в ночь Великих Аррефорий, когда она была послушницей в храме Афины. Как это могло тогда произойти? Ведь все, что ей нужно было сделать, – просто отнести священный сосуд, не заглядывая внутрь. Она никогда... никогда бы специально не заглянула туда! Она ведь просто споткнулась! Но она видела то, что нельзя было видеть. Она совершила святотатство и – главное – скрыла его. Возможно, если бы она тогда создалась верховной жрице Лисимахе, это можно было бы исправить? Принести жертву богам, очиститься, искупить свою вину? Но сейчас? Какую нужно принести жертву? Все слова Алкивиада, все его намеки и уговоры? Может, это и есть та жертва, которой ждут от нее боги? Да и жертва ли это вообще? Хотела бы она быть с ним? По всеобщему мнению, о таком муже можно было только мечтать... А по туманным намекам Фрины, не только муже, но и... любовнике. Впервые в своих мыслях Пандора назвала вещи своими именами. И холодная ясность, с которой она произнесла в голове эти слова, напугали ее. Неужели она всерьез думает об этом? Но Алкивиад... Способен ли он обмануть ее, нарушить свою клятву, воспользоваться ей? И что будет ее ждать в Афинах после? Но ведь и вправду, военное счастье так переменчиво... А кроме того... А кроме того, в пророчестве – если это пророчество вообще было про нее, а не про какую-нибудь другую девушку с таким же именем, – говорилось, что тот, кто спасет Афины, заберет сердце Пандоры. Боги вовсе не обещали избавить от мучений и от позора. Пандора вспомнила судьбу Ариадны, Елены и Медеи. Когда мужчина по воле богов получал сердце женщины, это никогда не заканчивалось для нее ничем хорошим. Было в Алкивиаде что-то, что настораживало девушку. Но ведь он благородный юноша! Даже то, что она была рабыней, не смутило его. Хотя что-то в глубине души подсказывало ей, что именно с этим и связана его настойчивость. Но все же... Он готов ее принять даже такой, даже не зная, что у нее никого не было.

Ее память опять затопили болезненные воспоминания. Как легко ошибиться и сделать неверный шаг, который потом будет не исправить. Ее окатило волной холодного отвращения от осознания, как близко в момент отчаяния она подошла к этому краю, когда была рабыней. Что же удержало ее? Осторожность, благоразумие, просто случайность или добрая воля ее бывшего

владельца? Тогда это казалось неизбежным и неотвратимым. Ведь судьба и боги постоянно сталкивали ее с тем, кого она боялась вспоминать? И все же судьба развела их... Скорее всего, навсегда. Значит, судьбе можно противостоять? Значит, судьбу можно изменить? Страшные, кощунственные мысли заполнили ее голову. Пандора села на ложе и в отчаянии сдавила пальцами виски.

Снизу раздался какой-то грохот, звон разбившегося горшка и чьи-то крики. Что это? Пандора вскочила, накинула теплый диплакс и поспешно спустилась во двор. Внизу она увидела Фрину. Гетера замерла с каменным лицом, скрестив руки на груди. Перед ней, сверкая глазами, раскрасневшийся и взлохмаченный, стоял юноша в потертом сером гимантии. Он, захлебываясь от возбуждения, лепетал что-то неразборчивое.

– Ну и что? Каким же образом я разорила тебя? Ты разве много мне платил?

– Ты сама посчитай: сандалии из Сикиона – три драхмы! Клади три драхмы. Алебастровый сосуд из Финикии – еще три! Фригийские финики – три горшка. Лук с Кипра – три корзины!

– Но сколько ночей ты провел со мной?

Юноша пропустил эти слова мимо ушей:

– А соленая рыба? А гитийский сыр?

– Фригийские финики и соленая рыба? – переспросила Гетера.

Молодой человек залился краской.

– Но что ты еще хотела от простого рыбака? Будь я так же богат, как тот напыщенный болван с крашенными волосами, который ходит к тебе, ты бы купалась в золоте. Но у меня же ничего нет. Я давал тебе все что мог. С тех пор, как ты появилась в нашем городе, я не принес своей матери даже гнилой луковицы, потому что все несу в твой дом! И что я получаю взамен?

– Действительно, что? – с насмешкой спросила Фрина.

Юноша осекся и отвел от гетеры взгляд. Наконец он заметил, смущенную Пандору и вздрогнул.

Несколько мгновений он недоуменно молчал, но потом сделал шаг в сторону девушки и умоляюще произнес:

– Госпожа, прошу тебя. Скажи ей, объясни, что я так не могу...

Его голос задрожал, а на глаза навернулись слезы.

Пандора молчала, не в силах найти нужные слова.

– Я ухожу, – воскликнул юноша. – И больше никогда, слышишь, никогда, не переступлю порог этого дома!

Он резко развернулся и направился к выходу.

– Дорион, подожди, – окликнула его гетера.

Юноша замер у двери. Фрина подошла к нему и сняла с шеи тонкое серебряное ожерелье.

– Это, кажется, твой подарок. Возьми, купи что-нибудь своей матери.

Лицо Дориона исказила болезненная гримаса.

– Нет. Оставь себе...

Он опустил голову и уставился на голубые камешки выложенной на полу мозаики.

– У меня ничего нет... – тихо прошептал он. Потом он робко кивнул на стоящую у двери плетеную корзину: – Тут три камбалы. Они свежие. Утренний улов.

Художник Валерий Шамсутдинов

– Неужели вы выходите в море в такую погоду? – спросила Пандора, чтобы хоть как-то разорвать навалившуюся неловкость.

Дорион развел руками:

– А что еще остается? Все хотят есть...

Повисла тишина.

– Дорион, – тихо сказала Фрина, – я сегодня никого не жду, и ты можешь прийти ко мне вечером.

Юноша с мукой в глазах посмотрел на гетеру:

– А завтра, когда кто-то заплатит тебе больше, я буду ждать за дверью?

Фрина молча посмотрела на него, и он отвел взгляд:

– Хорошо.

Скрипнула калитка, и девушки остались одни.

Гетера натужно рассмеялась:

–Ох уже эти ухажеры. Житья от них нет! Пошли завтракать.

2

Из-за промозглой погоды последние дни завтракали не во дворе, а в симпозионе, кутаясь в теплые плащи. Фрина задумчиво разломилла лепешку пополам, затем снова и снова. Скоро перед ней на столе высилась целая гора пшеничных крошек.

– Три камбалы... – усмехнулась гетера и потянулась за второй лепешкой. – Такова моя цена...

– Но почему. Ведь у тебя столько поклонников? – невольно вырвалось у Пандоры.

Гетера посмотрела на нее, грустно улыбнулась и вздохнула, так ничего и не ответив. Вместо этого она сказала:

– Я выросла в Платеях. Мой отец был столяром. У него была своя мастерская и несколько слуг. Мы жили хорошо. Знаешь... такое спокойное счастливое детство...

Пандора почувствовала в горле ком из-за нахлынувших воспоминаний и понимающе кивнула.

– Мне казалось, что так будет всегда. Но однажды к нам в гости приехал мой дядя Филострат – двоюродный брат отца. Тогда мне было пятнадцать. Он был старый – похоронил вторую жену. А еще у него была такая вот лысина и не хватало половины зубов. Я сначала ничего не поняла. Была с ним мила и приветлива, как и полагается вести себя с гостями. Как-то раз он подкараулил меня, затащил в кладовку и начал трогать везде, лезть своим языком ко мне в рот... – Фрину передернуло. – Я разбила горшок о его плешивую башку, вырвалась и побежала к отцу. Отец был вне себя от гнева, схватил палку и пошел... поговорить с дядей.

Пандора слушала затаив дыхание. Гетера надолго замолчала, так что Пандора не выдержала:

– И что случилось?

– Ничего... Вскоре отец вернулся. Уже без палки. Довольный и радостный.

– Довольный и радостный? Почему?

– Потому что удачно меня сосватал. Филострат согласился взять меня в жены почти безо всякого приданного. У отца были отложены деньги... Но раз так вышло, он решил их придержать.

– И ты?.. – Пандора вопросительно посмотрела на Фрину.

Гетера кивнула:

– Да. Я ушла из дома.

– Всемогущие боги! Как ты осмелилась на такое?

– Я решила, что буду сама выбирать своих мужчин. Хотя, конечно, было тяжело. Особенно вначале. Самое забавное в этой истории то, что в конце концов я встречалась и с Филостратом. И обошлось это ему совсем недешево.

Пандора смущенно отвела взгляд.

– А Дорион... – вернулась к разговору гетера. – Дорион хороший. Наверное, поэтому он и бедный... Мне просто его жаль.

Воцарилась неловкая тишина. Пандоре показалось, что Фрина уже сама не рада, что начала этот разговор.

Со двора донесся какой-то шум. Гетера встрепенулась с явным облегчением:

– Кто там еще?

В симпозион заглянула служанка:

– Госпожа Фрина, к тебе гость. Господин Алкмеон.

– Врач? Давненько он не заглядывал... Проводи его к нам!

В симпозион торопливо вошел мужчина средних лет с легкой сединой на висках и ухоженной бородкой. Он почтительно приветствовал девушек.

– Это госпожа Пандора, моя гостья из Афин, – представила Фрина.

По лицу Алкмеона скользнуло легкое удивление. Он еще раз поклонился.

– А это наш доктор. Хвала Асклепию, что в этом городе живет такой замечательный врачеватель. Присаживайся, дорогой Алкмеон. Не желаешь перекусить?

– Благодарю вас. Я недавно завтракал и, к сожалению, у меня мало времени.

– Что случилось?

– Только что прибыл гонец. Ночью под Потидеей произошла какая-то стычка. Довольно много раненых. Самых тяжелых решено оставить в лагере, а остальных отправили к нам в Сану, на мое, так сказать, попечение.

– Какая ужасная новость! Можем ли мы чем-то помочь тебе?

– Да. Я как раз и зашел по этому поводу. У тебя была служанка, Меланта. Она же знахарка? Помнится, после первой битвы, когда осада только началась, она здорово помогла мне. К сожалению, я единственный врач в Сане и справиться сразу со всеми ранеными мне будет тяжело.

– Ох, господин Алкмеон. Ни слова больше! Мы сделаем все, чтобы помочь нашим доблестным воинам! Я сейчас же велю ей собираться и отправлю ее к тебе.

– Благодарю тебя. Городской совет после некоторых прений... – на лице Алкмеона мелькнуло странное выражение. Он сбился и торопливо продолжил: – ...предоставил гимнасий для размещения раненых.

– Малый или большой?

– Малый. Он же тут совсем рядом, на соседней улице. Пусть Меланта приходит туда. Обоз с ранеными ожидают совсем скоро. И вот еще... – Алкмеон слегка замялся. – Пусть Меланта возьмет свои снадобья. Боюсь, что моего запаса лекарств может не хватить.

– Разумеется.

– Благодарю тебя за помощь!

Алкмеон развернулся и направился к выходу, но Пандора остановила его.

– Господин Алкмеон!

Врач вопросительно посмотрел на девушек.

– Я... – Пандора собралась с духом. – Я была послушницей в святилище Асклепия. Я умею ухаживать за больными. Могу ли я тоже помочь тебе?

– Буду очень признателен, – улыбнулся Алкмеон. – Лишние руки никогда не помешают.

С этими словами он вышел в двор.

Пандора торопливо поднялась.

– Пойду собираться.

Фрина изумленно смотрела на нее.

– Ты серьезно хочешь пойти туда?

Пандора растерянно оглянулась:

– Конечно.

– Ты видела солдат после битвы? Распоротые животы? Отрубленные руки? Я довольно насмотрелась на это в прошлый раз.

Пандора слегка побледнела.

– Нет. Но я давала обет...

– Глупости! – перебила ее Фрина. – Я не думаю, что Алкивиад одобрит подобное поведение.

– Спасибо за совет, госпожа. Я учту это.

– Но все равно пойдешь?

– Да.

- Делай как знаешь. – Гетера откинулась на спинку клисмаса и отвернулась.
- Хорошо, – тихо ответила Пандора и пошла к себе в комнату.

Глава 11

Солнце уже давно миновало зенит, когда появился обоз с ранеными. Осеннюю тишину, царящую под сводами гимназия, наполнили ругань, крики и стоны. Поднялась суматоха. Десяток солдат, сопровождавших обоз, переносили раненых, стараясь перекричать друг друга ломающимися юношескими голосами.

Алкмеон с Мелантой уже склонились над ранеными. Вокруг суетились слуги Алкмеона: подносили чистую воду, раздували угли в переносной жаровне, раскладывали жутковатые пилы и ножи.

Пандора замерла на мгновение, пытаясь понять, кому в первую очередь требуется ее помощь. Но казалось, что самые тяжелораненые уже находятся под опекой врача. За ее спиной раздалось робкое покашливание. Девушка обернулась. Перед ней неловко топтался молодой солдат. Над его пухлыми губами только-только пробился первый пушок. Увидев Пандору, пельтаст вздрогнул и зарделся, но тут же взял себя в руки

– Прости, госпожа. С нашими мы закончили, но куда девать этих?

– Этих? – невольно переспросила Пандора.

– Ну, да. Этих... Из Потидеи... Я спросил господина врача, а он только махнул рукой.

На мгновение Пандора почувствовала укол пронзительной беспомощности. Она никого и нечего не знала здесь. Никому не было до нее дела, не у кого было спросить помощи и совета. Впрочем, молодой воин находился в еще худшем положении – на нем была ответственность за раненых пленников.

Пандора огляделась:

– Сколько человек?

– Пять осталось.

Это «осталось» заставило Пандору действовать. Она поборолла сковавшее ее оцепенение.

– Вот там есть свободные места. Несите их сюда... Хотя, нет, подожди! – крикнула он вслед солдату. – Я пойду с тобой. Нужно посмотреть, как лучше перенести раненых.

Вскоре всех потидейцев удалось разместить в уголке под высокими сводами гимназия. В отличие от молодых крепких афинских солдат плененные потидейцы оказались взрослыми, изможденными и осунувшимися мужчинами с потухшими глазами, полными отчаяния и тоски.

Пандора хлопотала возле раненых пленников, пельтаст, которого, как оказалось, звали Архий, вертелся поблизости, лез под руку с неуклюжими попытками помочь и непрерывно болтал. Большую часть его рассказа Пандора пропускала мимо ушей. Но кое-что заинтересовало ее, и она стала прислушиваться к словам рассказчика.

– ... когда мы закончили строительство этой штуковины, никто и не ожидал нападения. За все эти месяцы потидейцы не совершили ни одной вылазки. Лишь один Алкивиад догадался! – В голосе юноши послышался завистливый восторг. – Ты когда-нибудь слышала об Алкивиаде?

– Что-то слышала...

– Ох, поверь мне, его ждет великое будущее!

Пандора закончила промывать рану одного из потидейцев и нанесла густой слой лечебного бальзама:

– Так о чем же он догадался?

– Что они готовят вылазку... Никому и в голову не пришло, а он догадался и подготовил засаду!

В глазах пленника, чью рану обрабатывала девушка, мелькнула злость, он неприязненно посмотрел на болтливую солдата.

Архий перехватил его гневный взгляд и усмехнулся:

– Что – не ожидали?

Раненый вздрогнул, когда Пандора начала накладывать повязку. Он перевел дыхание и хрипло проворчал:

– Мы свое дело сделали!

Пельтаст помрачнел:

– Это – да! Хотя Алкивиад и подготовил засаду, но предотвратить нападение ему не удалось. Эту штуку им удалось поджечь.

– Какую штуку? – равнодушно спросила Пандора.

– Ну, этот... как его там... тря... или тре-шет... Не помню...

– Как повязка? Не давит?

– Нет. Спасибо, дочка.

– Благословение Асклепию, надеюсь, что твоя рука заживет. Теперь посмотрю рану на голове.

– А! Вспомнил. Тре-бу-шет – точно!

– И что это?

– Он словно гигантская праща. Деревянная рука, высотой с дом, которая метает огромные камни! Когда этот раб предложил сделать такую штуку, никто ему не поверил... Никто, кроме Алкивиада!

– Раб? – замерев на мгновение, переспросила Пандора.

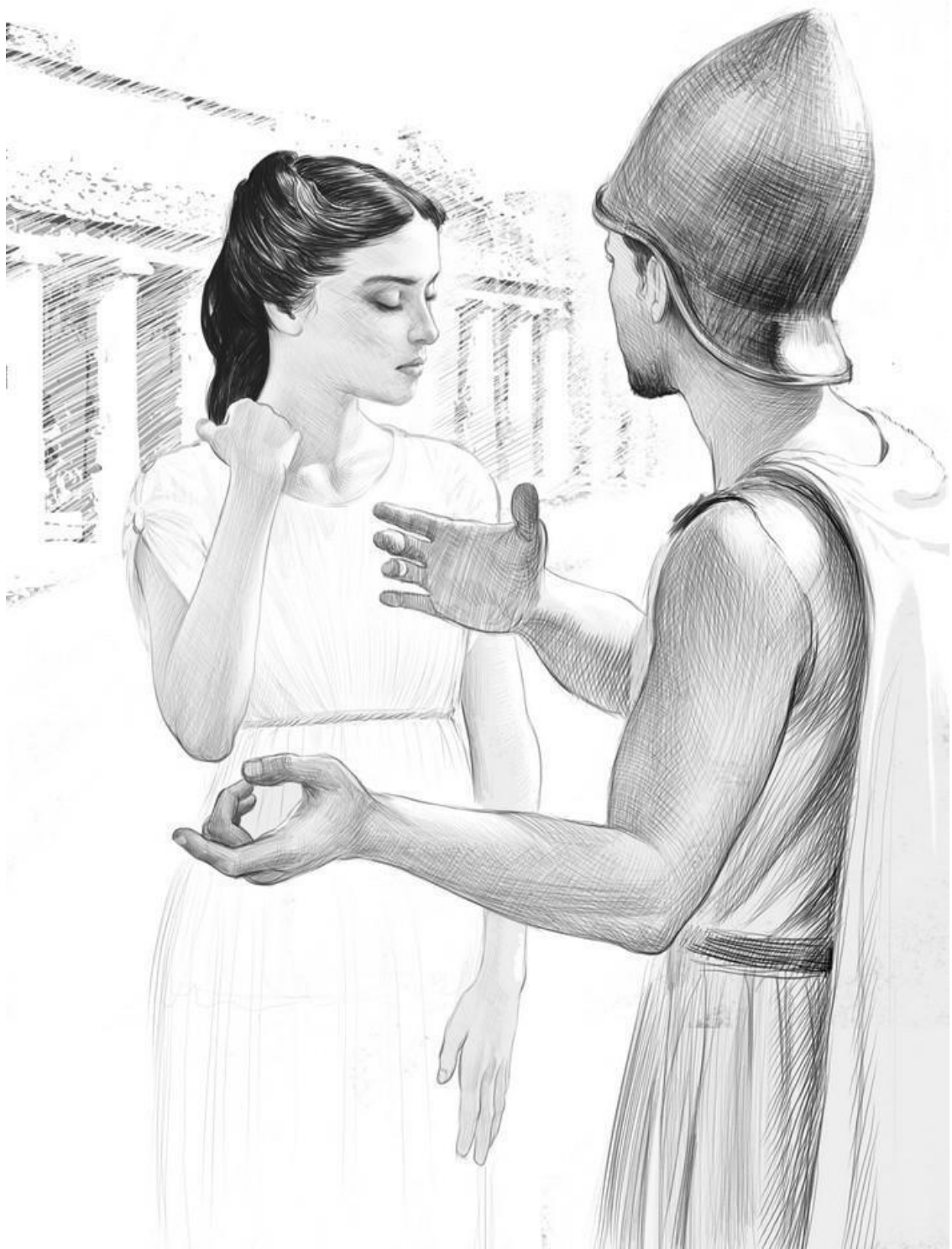
Но Архий так увлекся рассказом, что не заметил, как вздрогнула девушка.

– Да-а... Прибился с месяц назад какой-то беглый, то ли из Македонии, то-ли вообще откуда-то из Агтики, смешной такой.

– Смешной?

– Ну... Нелепый какой-то. Большой, но нескладный. Ему бы самому камни таскать, а, поди ж ты, все чего-то придумать норовит! Да чего я рассказываю... Он же где-то здесь быть должен. Когда заварушка началась, он как раз свою машину обхаживал. Даже потушить пытался – дурачок. Вот и досталось ему, но, кажется, выжил.

Пандора замерла и прикрыла глаза, пытаясь совладать с охватившей ее дрожью.

Художник Валерий Шамсутдинов

– Госпожа Пандора! – окликнул ее сзади знакомый голос.
Наконец девушка справилась с нахлынувшими чувствами. Она попыталась придать своему лицу максимально равнодушное выражение и обернулась.

– Хайре, господин Алкивиад!
– Всемогущие боги! Что ты здесь делаешь, госпожа? Как Фрина могла отпустить тебя сюда?

– Спасибо за беспокойство, но я не нуждаюсь в разрешении... гетеры.

Алкивиад замялся:

– Да... Конечно. Я очень рад встретить тебя здесь.

Архий уже давно стоял навтыжку, с восхищенным почтением глядя на Алкивиада.

Тот внимательно посмотрел на пленника и с беспокойством огляделся по сторонам:

– Э-э-э... Госпожа, я как раз спешил к тебе...

– Зачем?

– Я не хотел беспокоить тебя раньше, но... Помнится, у вас в Афинах был раб...

– У моего отца было много рабов.

– Да, конечно... Так вот, я давно хотел тебе рассказать, что где-то месяц назад нам под Потидеей попался один из них...

– Неужели?

– Я... Я просто не хотел тревожить тебя. Понимаешь, стратег привлек этого раба к службе, и он все равно не смог бы помогать тебе здесь.

– Понимаю. И благодарю тебя за заботу. Это очень благородно с твоей стороны. И кто же из моих рабов попал к вам?

– Тот юноша, что часто прислуживал твоему отцу на пирах. Алексиус.

– А! Тот, о котором я несколько раз спрашивала тебя?

Алкивиад собрался что-то ответить, но запнулся, не найдя слов. Несколько долгих мгновений он пытался спрятать свой взгляд.

– Господин Алкмеон! – окликнул Алкивиад проходящего мимо лекаря, – Подскажите, пожалуйста. Среди раненых был один юноша, Алексиус. Как он?

Алкмеон остановился с любопытством разглядывая наложенную Пандорой повязку.

– Хм... Весьма неплохо... – Он заглянул раненому потидейцу в глаза, потрогал лоб и нащупал пульс.

– Господин... – начал было Алкивиад, но осекся, остановленный властным жестом врача.

Некоторое время Алкмеон внимательно следил за пульсом раненого. Наконец, удовлетворенный, опустил руку пленника и посмотрел на Алкивиада:

– А-а-а, добрый день, молодой человек. Как твоя нога? Не беспокоит?

– Благодарю тебя. Нога отлично зажила!

– Замечательно! Так что ты хотел?

– Господин, Алкмеон, среди раненых был один юноша...

– Один юноша? – Алкмеон выразительно хмыкнул, поглядев в сторону раненых.

Алкивиад уточнил:

– Алексиус. Он такой... Хм... – Эллин замялся.

Врач пожал плечами, вопросительно глядя на Алкивиада.

– Карие глаза. Короткие русые волосы. Резкие скулы. Высокий. Варвар, – встряла в разговор Пандора.

– Ага... Кажется, понял, о ком ты. Вон там, в дальнем углу: легкие ожоги на плече и сильный ушиб головы. Тошнота. Зрачки разного размера. Почти не понимает, что происходит вокруг. Выгибает стопу, если провести по краю подошвы, – это не очень хорошо. От таких ушибов сознание мутнеет. Я дал успокоительное, и он уснул. Ему нужен покой.

– Отлично! Благодарим вас, – с наигранной бодростью воскликнул Алкивиад.

Пандора внимательно посмотрела на него, затем отвернулась и подошла к следующему пленнику. Она замерла над ним на несколько мгновений, пытаясь сосредоточиться. Мысли

лихорадочно мелькали в ее голове. Она постаралась собраться и все свои силы вложила у ободряющую улыбку раненому потидейцу.

– Как нога?

– Спасибо, милая...

Алкивиад еще долго стоял у нее за спиной и следил за ее ловкими уверенными движениями. Наконец он вздохнул, похлопал растерянного пельтаста по плечу и поманил за собой:

– Пошли, солдат! Выпьем вина за нашу победу.

Пандора не обернулась, когда они направились к выходу.

Глава 12

1

Весь следующий день Пандора провела в гимнасии, ухаживая за ранеными. Она дала себе зарок не подходить к Алексиусу. Он лежал в углу, в самом конце галереи, и не мог видеть ее. Галерея по всей длине была завешана сшитыми овечьими шкурами, защищавшей раненых от пронзительного осеннего ветра. Внутри галереи стояло несколько переносных жаровен, но все равно было прохладно.

Несмотря на данное себе обещание Пандора не могла удержаться и не разузнать о состоянии Алексиуса. Она несколько раз посылала служанку справиться о его самочувствии и всякий раз слышала, что раненый так и не пришел в себя. Ее беспокойство усиливалось с каждым часом.

Наконец, далеко за полдень, когда солнце уже почти касалось ограды палестры, девушка решила подойти к Алексиусу. Он бредил. Разметавшись на кушетке, покрытый испариной, он что-то шептал на незнакомом языке. Пандора вспомнила о своей давней просьбе научить ее этому языку и грустно усмехнулась. Неожиданно сквозь шепот и хрип она услышала свое имя и вздрогнула. Вот еще раз. И еще. Алексиус окончательно скинул с себя одеяло и теперь уже отчетливо и непрерывно начал звать ее:

– Пандора... Пандора...

Опять что-то неразборчивое. И снова:

– Пандора...

Девушка не выдержала. Она подняла сброшенное Алексиусом покрывало, плотно укутала раненого и положила руку ему на лоб.

– Пандора...

– Я... Я здесь... – Ее голос дрогнул.

Вдруг, словно от ее прикосновения, Алексиус замер. Его губы расплылись в легкой улыбке:

– Пандора...

– Я рядом... – снова прошептала девушка.

Веки раненого задрожали, между ними появилась тонкая щель. Пандора вздрогнула и отдернула руку.

– Спасибо, что приснилась мне...

Девушка торопливо схватила давно подготовленную чашу со снадобьем, стоящую у изголовья.

– Выпей, – она подняла его голову и поднесла чашу к губам.

Художник Валерий Шамсутдинов

Он сделал большой глоток и закашлялся.
– Выпей все!
Еще несколько судорожных глотков.

– Спасибо... Ты мне приснишься еще?

– Да.

– Встретимся в снах... – Он снова улыбнулся и закрыл глаза. Его дыхание стало ровным и спокойным.

Пандора встала, тщательно вытерла руки куском ткани и поправила сползшее покрывало. Еще несколько долгих мгновений она смотрела на больного, и наконец отошла от его кушетки.

2

Леша никак не мог поверить, что вновь встретил Пандору. Мешала постоянная тошнота и застилающая разум острая боль в затылке. Это казалось наваждением, миражом, не более чем обманом зрения. Долгие часы Леша ждал, когда там, среди других раненых, мелькнет знакомый силуэт, при виде которого сжималось сердце. Он следил за каждым движением девушки, пытаясь убедить себя, что это не она. Осанка, походка, кажется, немного иные... Хотя нет! Вот это движение головы, вот этот жест! Пандора делала точно так же! Но почему она никогда не подходит сюда? Почему не приближается к этому краю галереи? Стоп! Нужно остановиться. Нельзя думать об этом! Он должен думать о том, что ему делать дальше. Вся затея с требушетом – неужели это провал? Ведь он же предполагал, что такое нападение возможно. Ведь он предупредил Алкивиада! Леша постоянно пытался восстановить в памяти события той злополучной ночи. Мысли путались в голове, не давая сосредоточиться. Призывный сигнал кавалерийского рожка – вот, что не давало ему покоя. Кто и зачем подал этот сигнал в темноте? Куда вечером уходил Алкивиад? Почему он не послушал Алексея? Хотя, почему же не послушал? Может быть, Алкивиад как раз и послушал его? Смутные сомнения и подозрения непрерывно терзали Лешу. Что же произошло той ночью под Потидеей, и что будет дальше? Он тяжело вздохнул, посмотрел в дальний конец галереи, и его сердце опять принизила острая игла узнавания. Всемогущие боги! Ну почему, почему она так похожа на Пандору?

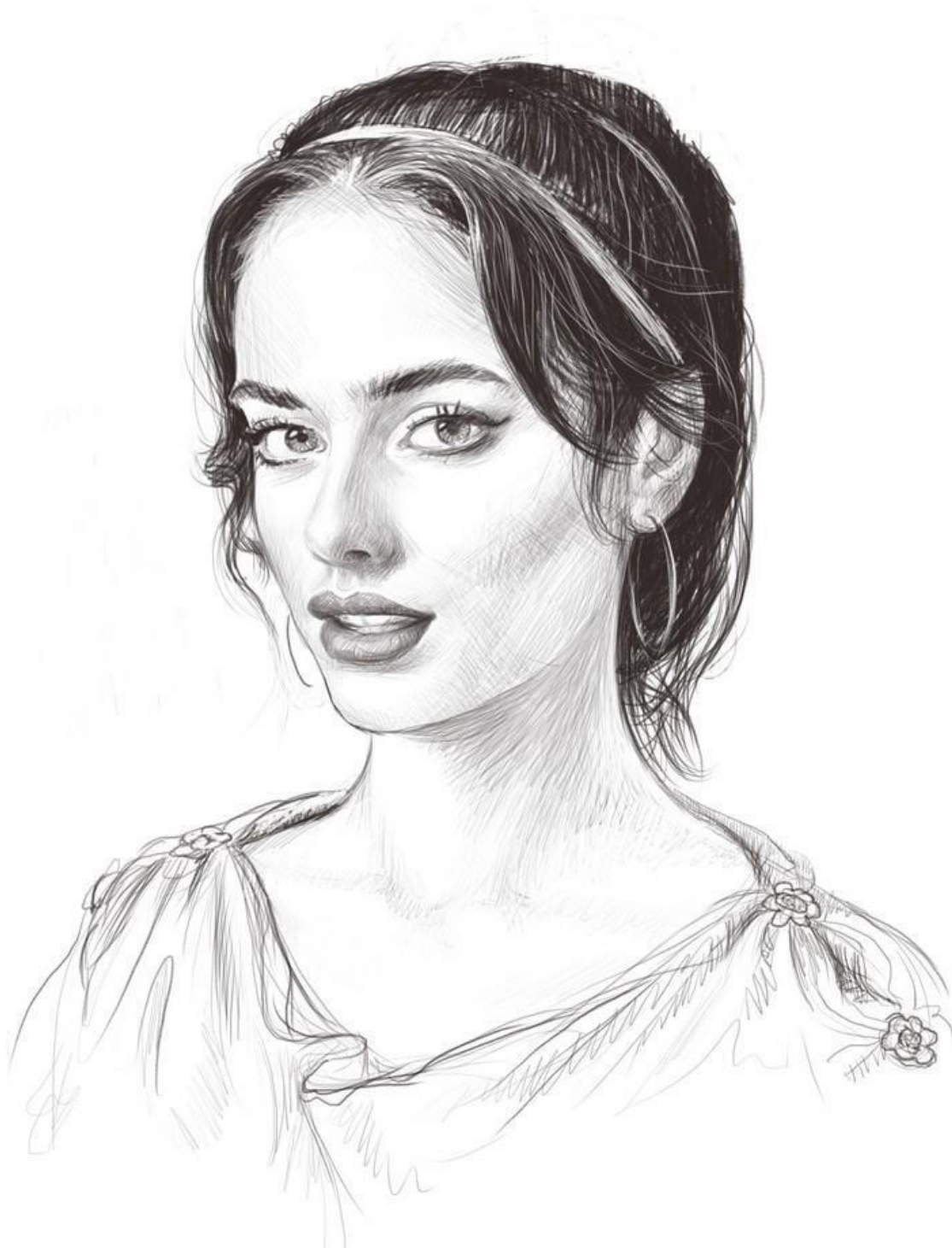
В конце концов Леша не выдержал. Улучшив момент, когда не было видно других слуг, а девушка в отдалении занималась раненым, повернувшись к нему спиной, он встал с кровати, завернулся в покрывало и, пошатываясь, пошел к ней. Каждый шаг отдавался пульсирующей болью в затылке, а глаза заволакивала черная пелена, но он упорно шел к ней. Вот она оказалась рядом. Еще один шаг. Услышав шорох позади, девушка обернулась. У Лешы перехватило дыхание. Их глаза встретились.

– Пандора... – Алексей почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Девушка вскочила в попытке подхватить его. Сквозь навалившуюся темноту он продолжать шептать ее имя.

Глава 13

На следующий день, немного поколебавшись, Фрина решила присоединиться к Пандоре и посетить раненых афинян, многие из которых хорошо знали гетеру. Пандора была не очень рада такой компании. Но все же стоило признать, что Фрина была великолепна. Пандора с восхищением и легкой завистью следила за тем, как гетера весело и непринужденно шутит с ранеными, как со снисходительной улыбкой выслушивает соленые солдатские шутки, как умеет весело расхохотаться даже от самого двусмысленного комплимента.

Художник Валерий Шамустдинов

К Пандоре никто никогда не обращался в подобной манере, и это ее, скорее, радовало. Она никому бы не позволила обращаться с собой таким образом, но смотреть за всем этим со стороны было довольно забавно.

В дальнем конце гимнасия Пандора выслушала краткий отчет служанки о прошедшей ночи, бросила беглый взгляд на Алексиуса, с облегчением заметив, что тот спит, и попыталась увлечь гетеру в сторону выхода. Но, видимо, гетера заметила ее уловку. С подозрением покосившись на Пандору, Фрина сделала пару шагов, подошла к больному и с любопытством взглянула на него.

– Какой странный человек, клянусь Герой. Ты его знаешь? Откуда он?

Пандора пожала плечами:

– Откуда-то с севера.

– Скиф?

– Кажется, нет.

– Такой большой и такой несуразный... Но лицо выглядит сообразительным. Как его зовут?

Пандора медлила с ответом, но служанка, стоящая поблизости, подсказала:

– Алексиус.

– Алексиус? Редкое в этих краях имя... – задумчиво вымолвила Фрина. – Вроде бы, я слышала про одного Алексиуса. В Македонии, недалеко от Диона... Да-да, точно. Примерно год назад появился какой-то Алексиус. Вместе со своим македонским приятелем Теодором стали они чем-то торговать. Какой-то новый сорт папируса. Слышала, что дела у них быстро пошли в гору. Говорят, сейчас в тех краях беспокойно... Хотя, где сейчас спокойно?

Пандора поняла, что нет никакого смысла таиться дальше. Она вздохнула:

– Да... Это он.

Глаза Фрины изумленно распахнулись, она недоверчиво уставилась на Пандору.

– Тот самый Алексиус? Из Македонии? Откуда ты его знаешь?

Ее лицо осенила внезапная догадка:

– Подожди-ка, подожди... Так не он ли был тем человеком, про которого ты рассказывала мне недавно? Тот, кто купил тебя, а потом освободил?

– Да... – Пандора смотрела в пол, не в силах взглянуть на собеседницу.

На лице гетеры появилось восторженное предвкушение.

– Всемогущие боги! История, достойная пера самого Эсхила. – Гетера подняла ладони, как бы пытаясь взять себя в руки. Ее просто переполняло какое-то плотоядное, плещущее через край любопытство. Она уставилась на спящего, пытаясь осознать услышанное: – Постой. Я чего-то не понимаю. Он чужестранец, варвар. Как он оказался в афинском войске?

– Так он же раб! – встряла в разговор служанка, все еще крутившаяся поблизости.

Пандора выразительно посмотрела на нее, и та, поняв безмолвный приказ, торопливо отошла.

– Раб? – с подчеркнутым удивлением переспросила Фрина, глядя вслед уходящей служанке.

Пандора кивнула:

– Да. В Афинах он был слугой моего отца, управляющим гончарной мастерской. Два года назад отец купил его в Пирее...

– Клянусь памятью предков, никогда не слышала ничего подобного! – перебила Пандору Фрина. – И что? Твой отец отпустил его? Поэтому Алексиус выкупил тебя из плена?

– Нет. Мы встретились с ним случайно. Кроме того... – Пандора запнулась, собираясь с мыслями, и наконец решилась: – Кроме того, отец его не освобождал. Он ушел от нас.

– Ушел от вас? То есть, убежал? – Фрина недоверчиво перевела взгляд с девушки на больного. – Беглый раб... Покарай меня Громовержец!

Она надолго замолчала, пытаясь осознать услышанное. Видно было, что ее распирало от недоверия, изумления и восторга. Но вскоре на лице Фрины появилась тень легкого подозре-

ния. Она внимательно посмотрела на Пандору, настороженно огляделась и спросила вкрадчивым шепотом:

– Скажи, дорогуща. А этот Алексиус... Когда он купил тебя... Гхм... Он не обидел тебя?

– Нет.

– Непостижимо... – прошептала Фрина себе под нос и уже громче добавила: – Да... Подобных историй я еще не слышала. Только ради этого стоило тебя приютить... Ну хорошо. Он купил тебя, и что было дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.